

Машина страха

Автор:

Антон Чиж

Машина страха

Антон Чиж

Исторические детективы Антона Чижа Родион Ванзаров #15

В центре ретродетектива Антона Чижа вновь петербургский сыщик Родион Ванзаров. На этот раз он не просто раскрывает преступления, но и лавирует между прекрасной дамой – женой очень влиятельного человека – и спиритическим кружком. А его друг, гениальный криминалист Аполлон Лебедев, оказывается вовлечен в борьбу науки и лженауки и, выступая под знаменами истины, противостоит шарлатанам и мошенникам. Дело, которым занимаются Ванзаров и Лебедев, простое, но запутанное, и только благодаря выработанной сыщиком «психологии» удастся вывести преступника на чистую воду.

Антон Чиж

Машина страха

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от

издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Чиж А., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

1898 год

17 октября – 27 октября

Сеанс первый

Если в кружке есть признанный медиум, его должны посадить лицом к югу или к северу. По обеим сторонам его садятся отрицательные пассивные личности, а положительные, деятельные натуры – на противоположном конце стола. Заметьте раз и навсегда, что если кто остается в комнате вне кружка, он никак не должен сидеть позади медиума, чтобы не отвлекать к себе токов. Не должны садиться за стол больные, это вредно для них и для опыта.

Прибытков В. И.

Легенда старинного замка. Не быль и не сказка.

СПб.: Типография Димакова, 1883.

Издание редакции журнала «Ребус»

26 июня 1897 года[1 - Все даты даны по старому стилю.]

1

Жара, всему виной жара проклятая. Такая уж атмосферная несуразность случилась нынешним летом, что мозги кипят, вот и чудят люди. Нет чтобы съехать на дачу в прохладу и тенек, где самовар в саду и малинка в кустах, прелесть и благодать, так ведь сидят в городе. Столица – гранитный мешок. Не жизнь, а печка.

Пристав Вильчевский оттянул воротник мундира, стараясь подпустить к разгоряченной груди легкий ветерок, что шевельнул тюль распахнутого окна. Даже в час вечерний, когда сползли сумерки белой ночи, дышать в помещении тяжело. А исполнять служебный долг тем более. Хотя исполнять, собственно, нечего. Проторчал час в духоте. Ради чего, спрашивается...

– Что ж, господа, обстоятельства очевидны, прошу простить за беспокойство... Служба такая... Примите мои соболезнования...

Вильчевский сильно жалел, что проявил усердие. Чем нарушил неписанный закон полицейской службы: не торопись и не старайся – в дураки не попадешь. Отправил бы Можейко, помощник бумагу бы составил, и делу конец. Так ведь смутил городской. Прибежал, доложил: произошло убийство. Обстоятельств не знает, послан товарищем с ближайшего поста. Господина пристава просили явиться лично. А не явиться нельзя: беда стряслась не где-нибудь, в «Версале».

Дом, заслуживший звонкую кличку, на участке пристава был один из значительных. Громада на берегу Екатерининского канала, красавец в пять этажей с колоннами, римские статуи по фронтону, атланты, просторные эркеры, на углах круглые башни, увенчанные покатыми луковками крыш. Не уступает дворцу или королевской резиденции. Господа, снимавшие здесь квартиры, были исключительно состоятельными. Не то что в муравейнике доходного дома, в котором каморку снимет и студент, и рабочий, и коллежский регистратор[2 - Нижний, XIV чин для чиновников в Табели о рангах Российской империи.]. Происшествие в «Версале» нельзя оставить без личного внимания пристава.

Мало ли что...

Дом роскошный от дома полицейского располагался поблизости. Добравшись быстрым шагом за десять минут, Вильчевский поднялся по широкой лестнице и вошел в квартиру, занимавшую половину третьего этажа. Появление его не вызвало переполох или панику у господ, собравшихся в гостиной. А вызвало удивление. Если не сказать: безгловое недоумение.

В свой черед Вильчевскому было чему удивиться.

Середину просторной гостиной занимал круглый стол. Вместо скатерти, тарелок, закусок, бутылок и блюд, какими должно радовать гостеприимство, на голой столешнице лежал лист с алфавитом, написанным в правильный круг, над которым торчал огарок свечи. Множество стульев – Вильчевский машинально сосчитал десяток – в беспорядке располагались вокруг стола. Как будто гости встали в большой спешке. Только на одном восседала дама. Руки ее безвольно болтались, шея опиралась на резной подголовник так, что лицо развернулось к потолку. Открытые глаза были спокойны и пусты. Стрелки седины выдавали возраст. Хотя и не старуха.

Господа собрались около высокого сухопарого мужчины, который прикрыл лицо ладонью, не замечая утешений. Взгляды обратились на полицейского. Пристав испытал давно забытое чувство неловкости, будто ненароком заглянул в дамскую комнату. Кашлянув, чтобы согнать смущение, принял официальный вид.

– Прошу простить, господа. В участок донесли о... – Вильчевский запнулся, не желая произносить «убийство», – происшествии. Что случилось?

К нему направился невысокий господин с аккуратной седой бородкой и мягким, домашним лицом. Несмотря на флотский мундир и погоны капитана первого ранга.

– В чем дело, подполковник? – обратился он, глянув на плечи пристава. – Каким образом вы здесь оказались?

– Господин капитан, пришло известие об убийстве, – ответил пристав, выпрямив спину, чем выказал почтение старшему по званию. Хоть и в отставке. Причем

давненько. Вильчевский понял по манере разговора, в которой командные нотки подернулись паутиной штатской жизни.

– Убийство? Да что вы такое говорите... Произошло несчастье... Серафима Павловна скончалась... Горничную послали за санитарной каретой, а она в полицию побежала... Какая глупость... Полиции здесь нечего делать.

Следовательно, личность дамы, застывшей на стуле, установлена.

– С кем имею честь? – спросил пристав, прикидывая, годится капитан во вдовцы или не очень.

– Виктор Иванович Прибытков, вышел в отставку десять лет назад.

– Это ваша квартира?

Прибытков указал на печального господина в окружении друзей.

– Здесь проживает наш дорогой глубокоуважаемый Иона Денисович Иртемьев, – сказал он с таким почтением, будто речь шла о лице королевской крови.

Фамилия была знакома приставу по списку проживающих в участке. Чем занимается господин Иртемьев, Вильчевскому не было известно. Судя по квартире, господин состоятельный. Наверняка из чиновников, успешно вышел в отставку с капитальцем. На купца или фабриканта не похож. Хотя, может, и банкир...

– Иона Денисович потерял супругу, нашу милую Серафиму Павловну, – продолжил Прибытков. – Как беспощадна смерть. Забирает без предупреждения... Я, как никто, понимаю и разделяю его горе... Три года назад у меня...

– Значит, мадам Иртемьева – жертва убийства, – перебил Вильчевский, не желая слушать излияния.

Прибытков печально улыбнулся.

– Подполковник, о чем вы говорите, ну при чем тут убийство?

– А что же?

– Неизбежный финал долгой болезни. – Прибытков обернулся. – Мессель Викентьевич, будьте добры, присоединяйтесь к нам...

Господин среднего роста, с круглым лицом, окаймленным короткой бородкой, и крупными, навыкате глазами, казался слишком энергичным. Будто в жилах у него бурлит электрический ток. Прибытков представил его доктором Погорельским.

– Друг мой, поясните приставу, что случилось. А то ему привиделось убийство...

Доктор только плечами пожал.

– Тривиальный сердечный приступ. У Серафимы Павловны больное сердце... К сожалению, поздно заметили, помочь было нельзя.

Вильчевский слабо разбирался в подробностях врачебной науки. Все, что не касалось боевых ранений, было для него туманным. Даже его скудных знаний хватило, чтобы задаться вопросом: когда сердечный приступ, человек просит о помощи. Как можно не заметить среди такого сблища, что мадам Иртемьевой стало плохо?

Мучиться сомнениями пристав не умел, рубанул напрямик:

– Чем тут занимались, что не заметили, как дама умерла?

Прибытков с Погорельским переглянулись, будто сообщники.

– Господин Иртемьев на днях вернулся из Парижа, где два года изучал различные дисциплины, связанные с важнейшими научными вопросами современности, – ответил Прибытков. – Собрал нас, чтобы рассказать об удивительных опытах, свидетелем и участником которых был...

Устраивать просветительские чтения на частных квартирах полиция не запрещала. Если просвещали насчет физики, химии, стихов и прочей ботаники. Не касаясь политических вопросов, социального неравенства или того хуже – марксизма. Все равно Вильчевский не понимал, как могла Иртемьева незаметно умереть. И проявил в этом настойчивость:

– Мадам стало плохо, никто не заметил. Вот, значит, как... Что за научная лекция такая интересная?

– Несчастье случилось после лекции, – ответил Прибытков.

Приставу не нравились уклончивые ответы. Полиция их вообще не терпит.

– Прошу держаться фактов.

– Виктор Иванович, не таитесь, – потребовал Погорельский. – Пристав чего доброго решит, что у нас тут заговор...

Замечание было верным. Господа, конечно, благородные и состоятельные, но убивать никому не позволено. Как утверждал Закон, а пристав с ним соглашался. Недомолвки только укрепляли желание разобраться до конца.

– У нашего кружка проходил спиритический сеанс, – сказал Прибытков с таким значением, будто признался в главном, а подробности – пустяк.

Вильчевский слышал о моде, которая вернулась в Петербург: вертеть столы и задавать вопросы духу Пушкина. С армейской прямоотой он считал, что подобная дурь пристала незамужним барышням, которые пугают друг дружку по ночам загробным воем. С замужеством мистическая дурь слетала как пыль. Но ведь тут собрались не только барышни и дамы, что утешали Иртемьева, а солидные с виду господа: доктор и капитан в отставке. Чем только у людей голова забита... Все от жары...

– Собрание, значит, устроили... А позволение имеется?

– К вашему сведению, господин пристав, четыре года назад, в 1894 году, при журнале «Ребус» был образован наш кружок, который тогда же получил

официальное утверждение своего устава министерством внутренних дел. Можете проверить... Мы не тайное общество, а кружок расширения научных знаний. Собраний не проводим, только сеансы...

– Допустим, что ничем не дозволенным не занимаетесь. А что тут происходило?

Погорельский изобразил руками бурный фейерверк.

– Феноменально! Да поясните же приставу, как проводят сеанс! Он же, чего доброго, нас в участок потащит! Охота вам ночь за решеткой сидеть?

Такая мысль в самом деле мелькнула у Вильчевского. Возглас доктора умерил праведный порыв.

– Раз это так важно... – Прибытков еще не мог решиться. – Мы садимся за столом, который перед вами, господин пристав. Дамы чередуются с мужчинами. Во главе стола медиум...

– Какой медиум? Откуда взялся?

По детским книжкам пристав помнил, что факиры и медиумы водятся в Индии. Заговаривают змей, играют на дудочках, залезают к облакам по веревке, а сами ходят исключительно в набедренной повязке и чалме. В таком виде медиум успел бы прогуляться в Петербурге до первого городского. А не то что войти в «Версаль».

– Медиум тот, кто ведет сеанс, – терпеливо пояснил Прибытков. – Для этого ему нужно впасть в транс...

– Опьянение?

– Нет, особое бессознательное состояние. Как сон...

– Кто играл в медиума?

Прибытков обменялся с доктором взглядом, прощавшим безнадежную тупость полиции.

– Играть невозможно, медиумом надо быть, это дар свыше. Или проклятие, как вам будет угодно, – ответил он. – Сегодня трудную и почетную миссию взял на себя наш уважаемый Иона Денисович...

Господин Иртемьев, вдовец, окруженный заботой, не проявлял интереса к общению с полицией. Хоть пристав поглядывал на него выразительно. Видимо, общество трех дам и вдобавок трех мужчин, утешавших его, было предпочтительней.

– Значит, медиум, – повторил Вильчевский. – Что же дальше?

– Проведение сеансов требует тишины и темноты, – продолжил Прибытков.

– Зачем?

– Чтобы манифестации были сильнее...

Страшное слово, за которым маячили красные флаги, толпа демонстрантов, призывы к свержению царизма и прочие радости. Тяжкая головная боль полиции.

– Что еще за манифестацию устроили? – строжайшим тоном спросил пристав. И мог спросить еще строже.

– Господин пристав, манифестация в спиритическом сеансе – самопроисходящие явления! – чуть не выкрикнул Погорельский. – А вас, Виктор Иванович, прошу использовать более простые слова...

Вильчевский ощутил, как у него на лбу вспыхнула надпись «глупец». Во всяком случае, видимая этим господам.

– Проявление различных необъяснимых эффектов, – пояснил Прибытков.

– Каких именно?

– Различных... Звуковых, световых, тактильных, иногда вплоть до частичной или полной материализации...

Капитан первого ранга в отставке нес всю эту чушь с глубокой убежденностью. Вот до чего гражданская жизнь офицера может довести.

– Окна закрывали? – спросил пристав, жалея спятившего бедолагу.

– Непременно... Шум улицы – существенная помеха...

– Что же дальше, господин капитан первого ранга?

– Начался сеанс... В темноте, разумеется...

– В полной темноте?

– Почти... Свеча горела на столе.

– Свеча горела? Для какой надобности?

– Чтобы видеть, на какую букву алфавита указывают... силы, – ответил Прибытков, старательно сдерживая раздражение. – Таким образом на сеансе происходит общение с... непознанным.

– А потом?

Терпение доктора Погорельского лопнуло. Не дав Прибыткову рта раскрыть, он стал рассказывать, что сеанс проходил как обычно. Участники задавали вопросы и получали на них ответы. Сеанс длился минут сорок, после чего явления стали ослабевать, медиуму нужен был отдых. Включили электрический свет. Участники поднимались из-за стола, чтобы перекусить, чай был накрыт на ломберном столике в углу гостиной. Вскоре заметили, что Серафима Павловна осталась на месте. Сначала подумали: заснула. Но она не отзывалась. Погорельский первым догадался, что случилось, подбежал к ней, не нашел ни пульса, ни дыхания, зрачки не реагировали. Конечности похолодели. Мадам Иртемьева была мертва не менее получаса, любая помощь бесполезна. Тело трогать не стали до приезда санитарной кареты. Все внимание и забота

достались Иртемьеву, который впал в отчаяние.

Объяснения казались правдивыми. Придраться не к чему.

– Какова причина смерти, господин доктор? – только спросил Вильчевский.

– Жара и духота... Для сердечного больного самое опасное сочетание, – ответил Погорельский. – Нынешнее лето уже собрало печальный урожай, поверьте мне, я знаю статистику... Серафиму Павловну отговаривали, просили остаться в малой гостиной у окна, в прохладе. Она настояла на участии в сеансе...

Опыт подсказывал приставу, что на этом дело закончено. Не доверять заключению доктора оснований нет. Расследовать нечего. Еще и явился незванным. Глупейшее положение...

Но просто так уйти Вильчевский не мог. Чтобы не уронить честь полицейского мундира. Подойдя к столу, взглянул на несчастную, для порядка осмотрелся. После чего примостился у стола и, страдая от жары, составил протокол, занеся всех участников сеанса, добавив к известным лицам двух юных барышень, жгучую брюнетку, общительного господина, широкого в плечах, не забыв кратко опросить каждого. Включая нотариуса семьи Иртемьевых, который тоже оказался любителем спиритизма.

Пристав выразил хозяину дома полагающееся сочувствие, обещал прислать санитарную карету, отдал честь и отбыл в участок.

Возвращаясь по ночному Екатерининскому каналу и наслаждаясь прохладой, Вильчевский вспомнил, что в гостиной мелькнула какая-то мелочь. Он еще подумал: что за странность. К чему это здесь... Но теперь никак не мог вспомнить, что именно привлекло его внимание. Ему взбрело на ум сообщить утром о происшествии в сыскную. Но шальную мысль прогнал. Не хватало в глазах сыска выглядеть простофилей, который не может отличить сердечный приступ от злодейства. Не стоит добрым соседям по полицейскому дому лишний раз голову морочить.

Да и то сказать: по такой жаре чего только не случается...

16 октября 1898 года

2

Ветер швырял в лицо колючую морось. Сырые листья вертелись под ногами прохожих, взлетали над бесполезными зонтиками, шныряли мимо поднятых воротников. Сверху смотрели спелые тучи, набухшие свинцовой серостью. Обычная осень в Петербурге. Те, кто попал в столицу в один из самых хмурых месяцев, то есть практически в любой, утешали себя мыслью, что скоро уедут, и невольно сочувствовали жителям, которые не знали, что такое хорошая погода. Вернее, думали, что ледяной или жаркий кошмар – это нормальный климат. Ну не мог же Петр Великий ошибиться, выбирая болото под столицу.

Глаз горожанина, слезящийся от ветра, отличал приезжего вмиг. По тому, как тот пугливо ежился под бурей и дождем. Парочка, что стояла у афишной тумбы на углу Невского проспекта и Екатерининской улицы[3 - Теперь Малая Садовая улица.], наверняка были приезжими. Они жались потерянными овечками, стараясь укрыться женским зонтиком. Кружева его безнадежно погибли под дождем.

Господин был застегнут в черное до пят пальто, отсыревшее, как и легкая шляпа. За него держалась барышня ростом как раз ему по плечо. Бедняжке крепко досталось. Юбка из довольно приличной английской материи, вместо того чтобы стоять колоколом, скрутилась у ног. Жакетик тонкой шерсти с меховой опушкой украшал, но не грел. Девушку била мелкая дрожь. Мучить так ребенка (на вид ей не дашь больше десяти лет) довольно жестоко. Но господин упрямо рассматривал афишу.

– Герман, может быть, не надо? – проговорила она, стуча зубками. – Мне не нравится затея...

– Пустяки... Это такой шанс.

– Нет никакого шанса... Я же говорила, что видела...

– Пустяки, ты тоже иногда ошибаешься. – Он нежно похлопал по крохотной ручке, вцепившейся в его рукав. – Все будет хорошо...

– Не будет, Герман... Поверь мне... Я чувствую... Давай не пойдем...

– Нельзя, нас ждут... Да что за глупости? Столько усилий, чтобы получить согласие. И вот наконец, когда нас ожидают, сбежать? Нет, так Герман Калиосто не поступает!

Барышня чихнула, словно пискнул котенок.

– Вот видишь, я прав! – сказал Герман, мужественно сжимая зонтик. – Пойдем, не будем терять времени.

– Это плохо кончится...

– Пустые страхи, моя милая...

– Но зачем? – проговорила она в нос. – У нас все есть... Выступления, афиша, первый отзыв в газетах... К чему нам этот риск?

– Никакого риска, я силен и уверен в себе, как никогда, – отвечал Герман, поглядывая на дом, что возвышался за афишной тумбой. – Если в ближайшем выпуске «Ребуса» выйдет материал о нас, это будет огромный шаг нашей карьеры... «Ребус» – непререкаемый авторитет... Нас будут приглашать в такие дома, в которые просто так не попасть... Это не только слава, но и значительные гонорары... Тревога излишняя, моя милая Люция...

Девушка потянула назад, прочь от афишной тумбы.

– Умоляю, уйдем... Уйдем скорее... – Люция прилагала все силы, но Герман не шелохнулся. – Не будет ни статьи, ни приглашений... Я вижу... Верь мне...

Упорство, с каким она просила, проняло. Герман ощутил сомнения, но было поздно. Господин под черным зонтом приветливо помахал им. Стряхнув руку Люции, Герман вежливо снял шляпу, ощутив, как на затылок капает. Они обменялись рукопожатиями.

– Да вы совсем промокли, месье Калиосто, а мадемуазель Люция и вовсе дрожит! Скорее согреться! – И господин с надежным зонтом пригласил следовать за ним.

Окна редакции знаменитого в определенных кругах журнала «Ребус» выходили на Екатерининскую. Кроме кабинета главного редактора и помещения коммерческой части здесь имелся небольшой, но уютный зал, где довольно часто проводились опыты по изучению непознанных явлений природы. Которые официальная наука категорически отвергала. А «Ребус» изучал и пропагандировал вот уже восемнадцать лет.

Темы, которые рассматривались в журнале, позволяли раздвинуть границы традиционных представлений о мире. «Ребус» так старательно их раздвигал, что снискал славу безнадёжной помойки, рупора лженауки. В глазах замшелых ученых, разумеется. Что было неправдой. Журнал старательно держался научного метода. В своем понимании, конечно.

Зато читающей публике нравились статьи, которые нельзя было прочесть ни в одном другом русском журнале. Вероятно, цензура «дозволяла» подобные вольности потому, что цензорам самим было любопытно прочесть про всякое разное загадочное.

В самом деле, ну в каком еще журнале найдешь подробный обзор медиумизма, спиритизма, животного магнетизма, гипнотизма, ясновидения, двойного зрения, изучения привидений, астрологии, оккультизма, видения призраков прижизненных, присмертных, посмертных и прочих не менее занимательных и полезных историй. Расскажешь барышне нечто подобное – считай, произвел впечатление. Ну когда она очнется от обморока...

Журнал был популярен, подписчиков прибавлялось. Попасть на его страницы значило получить знак важнее печати государственного банка. Это означало, что редакция уверена: имярек обладает непознанным даром, он не обманщик или фокусник, умеющий выиграть в баккару или стукалку[4 - Чрезвычайно азартные карточные игры.].

Прежде чем познакомить с редакционным кружком, испытуемых отвели в буфетную. Герман с наслаждением выпил стакан горячего чая, но отказался от коньяка. Перед выступлением нельзя спиртное. Чувства должны быть чисты и

отточены, как лезвия. Люция не притронулась к чашке.

– Милая, ты не заболела?

Она подняла глаза. Герман в новом фраке подтягивал манжеты сорочки. Готовясь к выступлению, он переставал замечать происходящее, сосредотачивая свою силу. Наверняка не заметил, что она промолчала. Он был хорош, и в любом другом месте его ждал успех. Только не здесь. Люция не могла ни помочь, ни остановить. То, что должно свершиться, свершится.

Герман обернулся с улыбкой.

– Ну, пойдем знакомиться...

– Я останусь здесь. – Люция отвернулась.

– Что за новости? Ты непременно должна выступить. Это было условие. Они должны оценить твой талант... Твой редчайший дар...

– Мое выступление отменяется... Иди, ничего нельзя уже изменить. Побуду здесь.

Капризы были неуместны. Особенно в такой момент, перед таким выступлением. Герман нахмурился, но списал на усталость промокшей барышни...

– Как хочешь...

Поправив бабочку, Герман решительно пошел туда, где уже собралась публика. Выждав, Люция пошла следом, но осталась за дверью, посматривая в щель. В зале собралось около десяти человек: мужчины и женщины. Господин, который встретил их у афишной тумбы, представлял Германа. В какой-то момент Люция потеряла его из виду. Последним в зал вышел главный редактор журнала господин Прибытков. Он пожал Герману руку и предложил садиться. Зашаркали венские стулья, зрители сели полукругом. Никого из них Люция не знала.

– Дамы и господа, друзья! – начал редактор приятным и мягким голосом. – В традициях нашего журнала искать новые доказательства того, что человек

способен управлять силами, о которых мы мало что знаем. «Человек – труднейший и главнейший из ребусов» – вот девиз нашего журнала. И сегодня, надеюсь, мы раскроем еще одну маленькую загадку, которая ведет нас по бесконечному пути познания... Господин Калиосто продемонстрирует нам свои способности, о которых расскажет сам. Надеюсь, все помнят, что мы присутствуем при научном опыте. Прошу воздержаться от аплодисментов и прочих неуместных проявлений... Господин Калиосто, прошу вас, приступайте...

Прибытков сел на оставленный для него стул в самом центре и закинул ногу на ногу. Герман вышел вперед, поклонился.

– Благодарю вас, господин редактор, и уважаемый журнал за возможность показать мои скромные возможности... Итак, начнем...

Люция зажмурилась. Не могла наблюдать за тем, что приближалось неизбежно. Как только Герман сделал первую попытку, она затворила дверь и вернулась в буфетную. Оставалось только ждать. Люция села перед чайным столиком и не смогла сделать глотка. Если бы можно было чем-то помочь...

Маятник тикал, отмеряя то, что вершилось в зале научных опытов.

...Герман вернулся через полчаса. Тяжело дышал, лицо в пунцовых пятнах. Он рухнул на стул, уткнул лицо в ладони. Слова не нужны. Люция коснулась и ощутила, как холодны его пальцы. Ледышки. Герман отдал всю силу без остатка. И все напрасно...

– Не надо, не утешай... Страшный провал, – проговорил он глухо. – Хуже провала... Это катастрофа...

– Я знаю...

Герман поднял голову.

– Ты не знаешь... Редактор Прибытков сказал, что цирковые фокусы не занимают их журнал. Особенно неудачные... Сказал при всех... Позор... Конец...

– У тебя ничего не получилось. – Она не спрашивала, а утверждала.

Отшвырнув стул, он вскочил.

– Не получилось? Нет, тут другое... Я не мог ничего! Понимаешь, ничего! – повторил Герман по слогам. – Как будто пелена перед глазами... Как наваждение... Этого просто не может быть... Скажи, ты это предвидела?

Люция не могла ничего ответить. Она знала, что произойдет, но как именно, было сокрыто. Хотя какая разница.

– Пойдем отсюда... Тебе надо успокоиться и готовиться к завтрашнему выступлению... Все кончилось...

Схватив крохотную девушку в объятия, Герман прижал ее к груди так, что она не могла вздохнуть.

– Прости, прости меня... Надо было послушать тебя... – и разжал захват.

Люция скользнула вниз, ощутила под ногами пол и смогла глубоко вздохнуть.

– Что это было, скажи мне? – Герман не мог успокоиться.

Она догадывалась о причине. Но никогда бы не сказала правды. Рану, которую могло нанести знание, Герману не исцелить никогда. Не зная иногда милосерднее.

17 октября 1898 года

В начале Литейного проспекта располагается здание в классическом стиле, которое добрый человек старается обходить стороной. А злодей и подавно. Слава его гремит на всех этапах, пересылках, каторгах и тюрьмах. Поминает его

недобрым словом мир воровской, остерегается и не желает никому попасть туда. Впрочем, некоторые выходят из него оправданными. Если, конечно, присяжный поверенный окажется ловким, а присяжные заседатели поверят его байкам. Как снаружи, так и внутри здание Окружного суда Санкт-Петербурга внушало мысль о незыблемости правосудия. Которое в России частенько бывает без повязки на глазах. К чему беспристрастный суд, когда и так ясно, кто виноват. Только время зря терять.

Кроме залов заседаний, в которых вершился суд, в здании находились кабинеты судебных следователей, чья роль в процессах была решающей. Полиция только собирает факты, а уж оформляет их, как положено, в обвинение не кто иной как судебный следователь. Можно сказать: острие разящего меча правосудия. Или чем там правосудие разит куда попало.

Статский советник Александр Васильевич Бурцов был не просто судебным следователем, а одним из трех в столице судебных следователей по особо важным делам. То есть таким, которые требуют самого умелого и тщательного рассмотрения. В основном – политические. Какие же еще. Тут нужно особое старание проявить, охраняя устои и самодержавие. Впрочем, нередко попадались дела по уголовным преступлениям. Например, не так давно он расследовал дело о подделке кредитных билетов в Лифляндской губернии.

Бурцов был занят новым делом, вернее, подготовкой к первому судебному заседанию. Раскрыв на столе папку, он читал показания свидетелей и находил, что дело князя Гиоргадзе будет завершено приговором. Князь, конечно, получит минимальное наказание, но урок полезный: нечего потакать в столице империи нравам горцев, которые, чуть что, за кинжал хватаются или палят куда ни попадя.

В дверь постучали. Бурцов разрешил войти.

На пороге показался Сверчков, недавний выпускник Императорского училища правоведения, которого следователь взял к себе в помощники. Юноша закончил с отличием, толковый, послушный, исполнительный. К тому же почерк аккуратный. Что для ведения дел главнейшее достоинство. В общем, молодой человек со способностями, у которого впереди отличная карьера. Если Бурцов позаботится.

– Вам чего? – ласково спросил он.

Сверчков, всегда опрятно одетый и причесанный, выглядел немного странно. Взгляд его блуждал, как будто юноша ослеп и не понимает, что перед ним. Нельзя было подумать, что помощник пьян или с похмелья. Сверчков к спиртному не прикасался даже в студенческие годы. Образ для подражания, по-иному не сказать.

– Простите... Александр Васильевич... Я... Нет, – проговорил он, будто потеряв дар речи. И захлопнул за собой дверь. Излишне громко.

Бурцов только головой покачал. Влюбился, что ли, юный помощник? Ох уж эти барышни, так и сворачивают головы. Не говоря уже о разбитых сердцах. Жаль, дела неподсудные. Он занялся показаниями мещанки Рыдалевской, но снова раздался стук.

– Войдите! – крикнул Бурцов в некотором раздражении.

В двери опять торчал Сверчков. Юноша как будто не знал, что делать, пребывая в растерянности.

– Что же это? – пробормотал он.

Следовательно, конечно, покровительствовал молодому дарованию, но всему есть границы. Окружной суд не место для забав. А для глупых розыгрышей – тем более.

– Что вы себе позволяете? – прокурорским тоном спросил он. Чтобы мальчишку страх пробрал как следует. А дурь испарилась. – Это как понимать, Сверчков? Ведете себя как полоумный. Напился, что ли? А ну-ка, прийти в чувство... Смотри у меня...

Бурцов постучал пальцем о край стола. Как стучит строгий родитель, угрожая гимназисту взяться за ремень, если тот не возьмется за ум.

Пробормотав извинения, Сверчков выбежал вон. Дверь хлопнула так, что звякнуло в стеклах. Что было уж совсем невероятно.

– Да что с ним, в самом деле? – пробормотал Бурцов, подумывая, не послать ли за доктором. Парнишка казался малость свихнувшимся. Чего раньше за ним не водилось. Даже в лихие студенческие годы. Неужто примерным поведением повредил мозги?

Загадку следователю по особо важным делам разрешить было не суждено.

Дверь кабинета снова распахнулась. Вошел Сверчков с каменным лицом. Бурцов не успел и рта раскрыть, ни пригрозить, ни успокоить. Юноша вскинул руку. В которой сжимал револьвер. Держал неумело, ствол танцевал, как балерина императорского театра.

– Ты... Ты... что удумал... – только успел пробормотать Бурцов, который еще не бывал на расстреле. Хотя многие революционеры отдали бы бороду Карла Маркса до последнего волоска, чтобы всадить ему пулю промеж глаз.

Сверчков нажал на курок. Хрустнул выстрел, за ним другой. Помощник стрелял в своего благодетеля до последнего патрона. И щелкал пустым барабаном, пока не вбежал судебный пристав, повалив его. Такого скандала в Окружном суде еще не случалось.

19 октября 1898 года

4

В здании Департамента полиции на Фонтанке имелось подлинное сокровище. О котором многие в столице слышали, но мало кто знал, что находится оно именно тут. Сокровище не было ни слитком золота, ни сейфом, набитым ассигнациями, ни брильянтовым колье. От этого ценность его увеличивалась многократно.

Надо сказать, что сокровище было не предметом, который можно продать, потерять, передать по наследству или проиграть в карты. То есть сделать то, что проделывают обычно с сокровищем. Каждый, кто имел счастье или

несчастье с ним столкнуться, сразу понимал, с чем, а вернее, с кем имеет дело.

Сокровище сочетало в себе удивительный набор качеств: мощный, если не сказать гениальный, ум, глубочайшие познания в естественных науках, внешность, от которой столбенели дамы и барышни, при этом жуткий, вздорный, скандальный, отвратительный характер, от которого не было спасения. Несчастный, которому судьба уготовила попасть под горячую руку или ядовитый язык сокровища, еще долго приходил в себя и внукам рассказывал, какой чести удостоился. Впрочем, говорить об этом сокровище можно так долго, что наскучит.

Кто же был этим самым живым сокровищем?

Нет, не директор Департамента действительный статский советник Зволянский. Ну что директор – сегодня есть, а завтра наградили орденом и помер. Никто не вспомнит, что был такой директор. Мелочь и пустяк. Нет, и не чиновники канцелярии, которые старательно плодили бумаги, отношения и письма. И даже не швейцар при дверях Департамента, отставной унтер Филимонов, сверкавший пуговицами на холмистом пузе. Сокровище занимало несколько комнат на третьем этаже, почти под крышей, где располагалась картотека почти всех известных преступников империи и криминалистическая лаборатория.

Надо сказать, что хозяин картотеки и лаборатории был всей криминалистикой России в единственном числе и лице. Лицо это украшали шелковистые усы. За ними тщательно ухаживали, подстригали и холили. Но что стоили эти усы без взгляда, который мог привести в оторопь участкового пристава. Во взгляде этом светились такой ум и природная сила, что слабые натуры, встретившись с ним, предпочитали или подчиниться, или сбежать.

В общем, Аполлон Григорьевич Лебедев был настоящий уникам. То есть сокровище. Ну, или, как привык, чтобы называли его за глаза и в глаза, – великий криминалист. Что было чистой правдой. Трудом и талантом Лебедев достиг такого положения, что мог относиться к славе снисходительно, а себе позволить что угодно. Мало кто рисковал перечить ему или давать указания. Пожалуй, на такое не сразу бы решился и министр внутренних дел, если бы случилась нужда. Аполлон Григорьевич так старательно создал себе славу «ужасного гения», что под ее сенью мог заниматься наукой сколько душе угодно. Не отвлекаясь на всякую мелочь вроде убийства в уличной драке.

Сегодня он ожидал посетителя. Директор Зволянский упрашивал принять гостя так смиренно и кротко, что Лебедев поддался. Кроме множества слабостей, которым криминалист потакал, у него было доброе сердце. Хотя пряталось оно так глубоко, что о нем знали немногие. Уговаривая, Зволянский забыл упомянуть, с какой целью явится визитер. Уточнять Лебедев не стал: какая разница, кого проучить, если дураком окажется. Дураков и подлецов Аполлон Григорьевич душил, как тараканов. То есть безжалостно указывал, кто они есть на самом деле.

Залетные гости в лаборатории были редки. Сказать по правде, соваться сюда решался мало кто. Чиновники Департамента обходили зловещее место стороной. А вольных посетителей, включая репортеров газет, дальше швейцара не пускали.

К приему гостя Лебедев подготовился. Вытащил из архива самые ужасные фотографии, снятые на местах преступлений, и расставил так, чтобы попадались на глаза. Куда бы несчастный ни бросил взгляд, везде его ожидали разрубленные, порезанные, изувеченные тела. Предельная живописность человеческой жестокости.

Ровно в десять часов утра, как было условлено, в дверь постучали. Без ропота и почтения вошел господин среднего роста, довольно энергичный, как будто за завтраком опустошил целый кофейник. Он резко поклонился, назвалс я и выразил восхищение. Аполлон Григорьевич так и стоял, сложив на груди руки, ответил ленивым кивком подбородка, наблюдая, что будет дальше. Гость огляделся и стал рассматривать фотографии с нескрываемым интересом, хмыкая и покачивая головой, будто одобрял зверства.

– Чудесная у вас коллекция, – сказал он, причем в голосе мелькнула нотка зависти. – Куда сильнее снимков у Гофмана[5 - Знаменитый учебник судебной медицины немецкого профессора Гофмана. Выдержал шесть изданий.]. Феноменально!

Подобного комплимента Лебедев не ожидал. Он тем более был приятен, что попал в потаенный уголок сердца: Аполлон Григорьевич мечтал написать учебник криминалистики – всеобъемлющий, который потеснит все прочие работы, и Гофмана в том числе. Лучший в мире учебник по русской криминалистике. Только его все время отвлекали на разные глупости: то убийство, то отравление, а то и кража со взломом.

– Вы кто будете? – спросил Лебедев с интересом, в котором мелькнуло дружелюбие. Еле заметно, но мелькнуло.

– У меня частная врачебная практика, принимаю на Литейном проспекте.

И тут Лебедев вспомнил, что ему попадались книги, которые доктор Погорельский издал: про случай исцеления паралича всех конечностей при помощи гипнотизма, наблюдения во время эпидемии оспы в Елисаветграде в 1887–1888 годах и что-то еще об изучении имен из Библии. Подробно не штудировал, но выглядело вполне достойно. В общем, расправа над гостем откладывалась. Да и человек с виду забавный. Только излишне нервный. Погорельский не мог стоять на месте, раскачивался и подпрыгивал.

– Чем могу помочь? – спросил Лебедев чуть ли не ласково.

Погорельский повторно выразил бурный восторг, что ему оказана честь... Ну и тому подобное. Похвалам Лебедев внимал благосклонно. От умного человека и похвала приятна.

– Привела меня к вам не нужда, а желание помочь, – сказал Погорельский, вдруг оборвав комплименты.

Аполлон Григорьевич только хмыкнул:

– Помочь? Мне? Вот не ожидал... И в чем же?

– Слышали о парижском докторе Ипполите Барадюке? – Погорельский произнес фамилию трепетно.

– Приходилось, – ответил Лебедев уклончиво, чтобы не испугать гостя раньше времени. Тема не слишком радовала: по мнению криминалиста, месье Baraduc был обыкновенным шарлатаном. Или ловким жуликом.

– Два года назад, в июне 1896-го, доктор Барадюк представил на заседании Парижской академии медицины отчет об экспериментах, – продолжил Погорельский. – Используя магнитометр аббата Фортена, который он усовершенствовал и назвал биометром, доктор Барадюк наглядно показал, что в

человеческом теле существует таинственная, неосязаемая и неведомая сила, которая истекает из него. Он назвал эту энергию *force vitale* – «сила жизни». И доказал: она существует!

Погорельский был взволнован до крайности. Лебедев подумал, не предложить ли доктору успокоительного.

Вот уж сюрприз... Не зря Зволянский не стал вдаваться в подробности. Доктора следовало выставить вон немедленно, но Аполлоном Григорьевичем овладела не столько жалость к свихнувшемуся доктору, сколько интерес экспериментатора: что же дальше будет?

– Очень хорошо, сила жизни. Истекает из нас, – согласился он. – И что с того? Мало ли что из нас вытекает.

Доктор многозначительно потряс пальцем.

– Это открытие не только велико само по себе, но имеет практическое значение!

– Электрические лампочки зажигать?

– Вы почти правы! – вскричал Погорельский, захваченный чувствами. – Эманации этой энергии, приливы и отливы, могут быть зафиксированы на фотографической бумаге!

Тут доктор схватил фотографии убийств и потряс ими, будто билетом, выигравшим в лотерею.

– Они могут стать видимыми!

– Вы меня прямо растрогали, – сказал Лебедев, стараясь на глаз оценить, сколько в Погорельском осталось здравого разума. А ведь кто-то приходит к нему лечиться. Несчастные пациенты. – При случае займусь этим вопросом. Это все?

Погорельский швырнул снимки не глядя.

– Дорогой Аполлон Григорьевич, только представьте, какие перспективы открываются для криминалистики!

– Это какие же?

– Мысль человека – та же энергия! А если так, мы можем фотографировать мысли! Это не фантастика! Доктор Барадюк представил на упомянутом мною докладе более двухсот снимков мыслей!

– И его не выгнали?

– Наоборот! Доклад имел громадный успех! Парижские академики аплодировали доктору стоя!

– Чего еще ждать от французов, – сказал Лебедев, невольно подумав, что бы сделал он, окажись на том заседании. Надолго бы запомнили...

– Я знаю, как фотографировать мысли! – Доктор сиял, будто ему вручили приз на скачках. – Я передам вам эти знания! Только представьте: ни один преступник, ни один подозреваемый теперь не сможет скрыть свои мысли! Они будут сфотографированы! Это переворот в науке! С преступностью будет покончено! Не останется ни одного злодея, чьи мысли были скрыты! И все это – в ваших руках! Могу предоставить доказательства! Немедленно! Сейчас!

Сумасшедшие бывают убедительны. Аполлон Григорьевич понял, как Погорельскому удалось пробиться к директору Департамента. В безумных словах мелькало нечто, что раздражило его любопытство. Наверняка все это полная чепуха. На девяносто девять процентов. Но оставался один процент, оставалось великое «а вдруг?». Соблазн был велик. И Лебедев ему поддался.

– Ну, удивите меня фотографиями мыслей... Надеюсь, приличных, – сказал он.

Доктор вскинул руки.

– За мной, мой друг, за мной! Вас ждут открытие и потрясение! Я отведу вас в мир непознанного!

– Далеко ли? – спросил Лебедев, погладив ус. – Пролетка до мира непознанного довезет?

– Зачем пролетка? – Погорельский подбежал к двери и распахнул. – Тут совсем рядом!

Все-таки сумасшедшие начисто лишены чувства юмора. Слишком серьезны, бедолаги. Лебедеву оставалось надеть пальто и шляпу. Он убедил себя, что поддается из милосердия к больному.

5

По широкой мраморной лестнице все того же Департамента полиции неспешно поднимался моложавый господин. Плотной фигуре было тесно в осеннем пальто. Крепкая, как у борца, шея вылезала из воротника. Лицо его, не слишком широкое и не слишком узкое, было непримечательным. Довольно обыкновенное лицо. Но, случайно заглянув в него, барышни забывали о скромной мужской красоте этого господина, сраженные и околдованные. Навсегда запоминали они роскошные усы вороненого отлива (не путать с вороным), непокорный соломенный вихор и особенно глаза. В глазах этих барышни замечали нечто коварное, циничное и при этом трогательное, что нежным уколом ранило их сердечко. С перепугу они решали, что это милая беззащитность, которая так притягательна в мужчине. В чем жестоко ошибались. Путая смазливость с умом. Барышням простительно. Но если подобную ошибку совершал человек недобрых намерений, ему приходилось сильно пожалеть. Обычно на каторге или за решеткой. Как суд и присяжные решали.

Господин служил в сыскной полиции немногим больше трех лет. За такой срок иной ловкий чиновник обзаводится нужными знакомствами и покровительством, чтобы делать карьеру. Он же меньше всего думал о чинах и наградах. При этом заработал определенную славу. Нельзя сказать, что его встречали с цветами и фанфарами в полицейских участках. Нельзя сказать, что чиновники сыска, товарищи его, приносили по утрам чай с медом в знак уважения. Нельзя сказать, что начальство было к нему благосклонно. Совсем наоборот. Многие считали его невозможным, дерзким, наглым и даже циничным. Кое-кто поговаривал о неблагонадежности. Но змеиный шепот коллег улетал дымом. Господин с усами

вороненого отлива продолжал служить. Причем так успешно, что заслужил уважение в воровском мире столицы. Вор скорее отдаст должное толковому сыщику, чем бездарный чиновник. И ничего с этим не поделать.

К злословию и скрытой зависти он относился так же равнодушно, как к пробегавшим мимо чиновникам.

Господин вошел в приемную директора Департамента, назвал себя и сказал, что ему назначено. Случайно или нет, как раз в тот час, когда доктор Погорельский уже проник в лабораторию Лебедева. Секретарь живенько юркнул из-за стола, показывая расположение (не свое, а директора), принял пальто и проводил в кабинет.

Хозяин кабинета в свой черед обрадовался вошедшему.

– А, Ванзаров! – благодушно воскликнул он. – Мы уж вас заждались... Проходите, проходите прямо сюда...

Зволянский указал на приставной стол для совещаний. На другой стороне стола сидел господин в строгом черном костюме. Встать не счел нужным.

– Знакомы? – спросил Зволянский.

Ванзаров знал этого человека, показавшего превосходство перед младшим чиновником. Некоторые дела, по которым он занимался розыском, попадали в суд через следователя по особо важным делам.

– Не имею чести, – ответил он.

Ему представили Бурцова. Что было необязательно. Его слава, а точнее беспощадность, доходящая до жестокости, гремела на всю столицу. И разносилась по уголкам империи. Особенно по сибирским и уральским каторгам. Господин был слишком серьезным, чтобы позволять с ним вольности. Ванзаров не позволил: сел на указанный стул, ожидая дальнейшего.

Директор не знал, как подступиться, путаясь в пространных предисловиях. Как послушный чиновник, Ванзаров молчал и ждал. Для чего вызвали его на личную

встречу, тем самым обойдя, глубоко обидев и взволновав господина Шереметьевского, начальника сыска, было неясно.

– Эраст Сергеевич, позвольте мне, – сказал Бурцов, уставший от потока бесполезных слов.

Зволянский с облегчением предоставил ему слово.

Следователь привык к фактам и точности. Излагал кратко, сухо и ясно. Дело было простейшим: его помощник Сверчков, юноша примерного поведения, закончивший с отличием Училище правоведения, два дня назад ни с того ни с сего разрядил в него обойму револьвера прямо в здании суда. Следовало выяснить причины этого поступка.

Повисла тишина. Зволянский не знал, что еще добавить, Ванзаров неподвижно рассматривал что-то невидимое на столешнице.

– Ваш протеже под надзором родителей, дело не заведено, – наконец сказал он.

В каменном лице Бурцова мышца не дрогнула.

– Откуда узнали, что Сверчков мой... протеже?

– Меня бы вызвали к арестованному в участок или тюрьму. Если стрелявший не арестован, случай не предан огласке. К тому же его не было в сводке происшествий. Обычного преступника вы бы не отпустили. Но своего человека пощадили. Простая логика.

Прямота была чрезмерной, на грани вызова. Зволянский тихонько крикнул. Но Бурцову понравилось.

– Слышал о вас, Ванзаров, много интересного, – сказал он. – Думаю, выбор Эраста Сергеевича верный. – При этом директор сделал вид: дескать, какие пустяки, как можно не знать лучшего сыщика, то есть чиновника сыска. – Используйте проницательность до конца, угадайте причину происшедшего.

К похвале Ванзаров остался равнодушен.

– Я не умею угадывать, – невежливо ответил он.

– Чем же пользуетесь?

– Ничего лучше логики Сократа для сыска не придумано, – сказал Ванзаров, умолчав о некоторых методах, знать о которых не полагалось никому. Ну, почти никому...

Бурцов одобрительно кивнул.

– Вот как... Неожиданно... Как-нибудь просветите, а то в голове от Сократа после гимназии остались смутные тени... Так чем же удивит ваша логика?

– Позвольте вопрос?

– Не стесняйтесь.

– Сверчков прошел медицинское освидетельствование?

– Бехтерев уверен, что юноша психически здоров.

Ванзаров задумался на краткий миг.

– Сверчков занимался расследованием некоего дела по вашему поручению. Занимался негласно.

Следователь владел чувствами, как каменная статуя.

– Доводы?

– Юноша стреляет в здании суда. Если исключить сумасшествие, причины могут быть две. Первая: несчастная любовь, в которой вы играли роль... двусмысленную. – Ванзаров пожалел уши Зволянского и не сказал «обольстителя». – В таком случае вам, господин Бурцов, мои услуги не потребовались бы. Справились бы с бедой самостоятельно. Вторая: Сверчков попал под влияние революционеров-боевиков. Но тогда с ним бы беседовали не

здесь, а на Гороховой[6 - На улице Гороховой, 2, в доме градоначальства, располагалась также политическая полиция: Отделение по охране общественной безопасности и порядка, в просторечии – охранка.]. Мое участие опять излишне. Исходя из двух предыдущих тез, делаем вывод: Сверчков не ревнует и не заразился марксизмом-бомбизмом. Значит, ему было поручено изучить нечто, представляющее интерес для вас. Но закончилось неожиданно. Буду рад, если укажете на ошибку...

Зволянский сидел тихо как мышка. Втайне радуясь, что такие орлы служат в его Департаменте, а не в Министерстве юстиции, к которому относились судебные следователи. Бурцов испытывал противоположные чувства: все-таки сам занимается расследованием преступлений, хоть и раскрытых. И вдруг – такая прыть. Кто бы мог подумать...

– Хороший урок, господин Ванзаров, – сказал он. – Пожалуй, пора браться за Сократа. Есть что добавить?

– Сверчков стрелял из вашего револьвера.

– А это как узнали?

– Судя по вашему рассказу, у юноши случился внезапный порыв, – ответил Ванзаров. – В оружейный магазин не побежал. Так как он ваш помощник, вероятно, вы дали ему почистить свой револьвер. Сверчков почистил и оставил в столе. Откуда и достал...

– Ого! – вырвалось у Зволянского.

– Может, скажете, куда я его послал? – спросил Бурцов не слишком радушно.

– Нет, не скажу, – ответил Ванзаров, чтобы совсем не расстроить следователя, который наверняка будет принимать у него дело для суда.

Предел возможностей логики внес некоторое успокоение в душу Бурцова.

– Хоть на этом спасибо, – сказал он. – В таком случае кратко опишу ситуацию...

Последнее время в столице снова появились кружки спиритизма. Чем они занимались на самом деле, было не ясно. По некоторым признакам спиритизм мог оказаться небесполезным при раскрытии уголовных дел. Для выяснения этого и был направлен Сверчков. Негласно, разумеется. Нечто подобное Ванзаров ожидал.

– В какой кружок направили Сверчкова?

– Самый авторитетный: при журнале «Ребус», – ответил Бурцов.

В младших классах гимназии юный Ванзаров беззаветно увлекался «Ребусом». И не было журнала лучше. В нем печатали загадки, шарады, анаграммы и занимательные ребусы, за разгадкой которых были проведены многие часы скучных уроков. Но постепенно в журнале становилось все меньше умного развлечения, а все больше ерунды. Пока спиритизм не вытеснил ребусы окончательно. Ванзаров перестал покупать по воскресеньям свежие выпуски, посчитав смену редакционного направления предательством разума. А много лет спустя в рассказе Чехова он прочел, как черт, явившийся пьяному, сообщает, что некоторые черти поступили на службу в журнал «Ребус»[7 - «Разговор пьяного с трезвым чертом».], и немного взгрустнул: какой журнал загубили. В общем, у Ванзарова к «Ребусу» был личный неоплаченный счет. Но чем оплатишь разбитую детскую мечту?..

– Кто ввел его в кружок? – не вдаваясь в личные подробности, спросил он.

– Доктор Погорельский, – поспешно ответил Зволянский. – Достойный человек, оказывает нам услуги...

– Господин Бурцов, что именно поручили Сверчкову?

– Выяснить, может спиритизм указывать на виновного или нет.

– А вы как полагаете? – спросил Ванзаров, не удержав язык за зубами. Что случилось с ним в самый неподходящий момент. Язык Ванзарова вел себя как ему вздумается. Чем навлекал на хозяина порой ненужные хлопоты.

Бурцов нахмурился. Хоть статуе нахмуриться трудновато.

– Интерес практический: на сеансе можно узнать имя убийцы или причину смерти жертвы. Никакой мистики.

Не надо было спрашивать, каким образом добытые сведения судебный следователь представит в суде. Ванзаров и так позволил себе лишнего. Но похвалить идею со спиритизмом не мог. Хорошо хоть Лебедев не слышит...

– Что требуется от меня?

– Мне нужно знать причину поступка Сверчкова, – ответил Бурцов. – Настоящую причину. Прошу заняться срочно. Приложить все усилия... Включая вашу логику... Делайте что хотите, но разберитесь с этим...

– Господин Шереметьевский согласился не утруждать вас ничем иным, пока не закончите дело, – сообщил Зволянский с таким пафосом, будто повысил жалованье. Неужели не понимает, что этим разозлил начальника сыска, и так не слишком жалующего сыскной талант.

– Надеюсь, вы понимаете, что дело сугубо конфиденциальное, – добавил Бурцов.

Ванзаров понимал. Он спросил адрес Сверчкова и обещал сделать все, что сможет.

Когда дверь кабинета за ним закрылась, Зволянский спрятал начальственное радушие и глянул на Бурцова. Он не скрывал, что недоволен происшедшим.

– Только искреннее уважение к вам, Александр Васильевич, заставило меня пойти на это, – сказал он, делая ясный намек.

Бурцов понял на лету.

– Не забуду вашей помощи, Эраст Сергеевич... Дело такое тонкое, поручать надо осмотрительно. Сами понимаете...

Зволянский понимал.

– Почему не раскрыли главных обстоятельств?

– Пусть копает, как сумеет, – ответил Бурцов. – Вдруг найдет, чего не ожидаем... Молодой и резвый. Чрезвычайно резвый. Скачет без удил и шпор. Куда только прискачет.

Пообщавшись с Ванзаровым, следовательно по особо важным делам убедился: этот нагловатый господин без почтения и подобострастия к начальству сможет многое. Надо быть готовым ко всему...

6

Иногда в Лебедеве просыпалось человеколюбие. С этим пороком он старательно боролся, но бывало, порок побеждал. Тогда он прощал приставам любую глупость или вручал актриске лишнюю десятку после приятного вечера. Нечто подобное пробудилось в нем сейчас. Вместо того чтобы отделаться, Аполлон Григорьевич покорно следовал за ненормальным доктором. Погорельский, не замечая человеколюбия, которому бывает предел, болтал о прорывах в знаниях, которые современная наука игнорирует. Лебедев терпеливо сносил околесицу. Сумасшедший, что возьмешь...

Доктор перебежал через Пантелеймоновскую улицу, упиравшуюся в Фонтанку, и потащил в Соляной городок. Складов соли там лет сто как не бывало, а вот выставки и лекции проводились регулярно. Лебедев с тоской подумал, что криминалистика – ревнивая девица: отнимает у него все время, кроме того, что достается актрискам. Давненько не испытывал он простого счастья: купить билет в лекторий, усестись на хлипкий венский стул и послушать о милых пустяках вроде выращивания комнатных растений или философии Гегеля. Он успел заметить на входе афишу, которая сообщала о V Фотографической выставке, проводимой Императорским Русским техническим обществом.

Залы с фотографиями Палестины Погорельский миновал так быстро, будто спасался от палящего солнца, и затащил в самый конец экспозиции, где на стене было развешено нечто несуразное. Лебедев даже не сразу понял, что именно сфотографировано. Приглядевшись, узнал кисти руки, ладони, отдельные пальцы и даже ступни. Выглядели они белыми отпечатками на глубоком черном фоне. Нечто отдаленно похожее на фотографии, сделанные

при помощи X-лучей, открытых Рентгеном. Но это было другое. Снимки Рентгена Лебедев видел много раз: на них кости просвечивали в туманной оболочке кожи. На фотографиях, которые гордо демонстрировал Погорельский, костей не было, а рука или нога выглядели так, будто ими макнули в краску и приложились к черному листу. Контур был четкий, но от него исходило многое множество пушистых иголочек, похожих на морозный рисунок.

– Что вы на это скажете, господин Лебедев?! – победоносно спросил доктор.

– Мысли из пальцев выходят. Свежо и дерзко, да...

На него отчаянно замахали.

– Имеете возможность наблюдать полное и окончательное доказательство животного магнетизма, которым обладает каждый человек! Его истечение, истечение силы жизни, зафиксировано на этих снимках! Хотите узнать, кто их сделал?

Не успел Лебедев отказаться от подобной чести, как на него обрушилась лавина. Не давая слово вставить, Погорельский доложил, что на выставке представлены электрофотограммы великого отечественного электролога и электрографа Якова Оттоновича Наркевича-Иодко. Он первый осознал возможность фиксации невидимых токов человека при помощи электрического разряда. У себя в поместье под Минском начал опыты на растениях, затем перешел на людей. После чего отправился в Париж, где вместе с доктором Барадюком достиг фантастических результатов, малая часть из которых представлена на выставке.

– Экий оригинал: крестьян током бьет, – сказал Лебедев, утомленный обилием слов с приставкой «электро». – Соскучился по крепостному праву?

– Неправильно поняли! – вскричал Погорельский. – Метод прост и совершенен. Для электрофотографии нужна индукционная катушка Румкорфа и источник постоянного тока, например батарея Грене. Катод катушки соединяется с изолированным металлическим стержнем, обязательно с заостренным концом, и направляется в атмосферу. Анод опускают в пробирку с подкисленной водой. После чего субъект...

– То есть крестьянин? – уточнил Лебедев.

– Да кто угодно! Так вот, данный субъект должен встать на каучуковый или резиновый коврик для изоляции...

– А если калоши надеть?

– Можно и калоши, – раздраженно ответил доктор. – Далее испытуемый кладет одну руку на фотографическую или желатиновую пластинку, а в другой сжимает пробирку с анодом. Проходит несколько мгновений, и снимок силы отпечатывается! Остается только сделать вираж, фиксаж и печать фотографии!

Если бы не выставочный зал, Лебедев извлек бы беспощадное оружие: никарагуанские сигариллы, от запаха которых лошади теряли разум, а женщины рыдали безутешно. Нет, он, конечно, слышал об открытии знаменитым профессором Тархановым поверхностного электричества на коже человека. Но чтобы такое нагородить...

– Вы знакомы с открытием Тарханова, – не унимался Погорельский, будто проникнув в мысли криминалиста. – Но это совсем, совсем иное! Это шаг вперед, шаг в будущее!

Лебедеву хотелось не в будущее, а в лабораторию. С него было достаточно.

– Потрясающе интересно, – сказал он, разминая в кармане пальто сигариллю. – Этот день будет выжжен в моем сердце. Просто открыли мне глаза...

– Так вы поняли?! – искренно и наивно обрадовался доктор.

– Все понял, уважаемый Мессель Викентьевич...

– Так вы заметили?!

– Больше, чем хотел... Чрезвычайно познавательно... Прошу простить, ждут дела...

Погорельский раскинул руки, будто хотел сжать криминалиста в объятиях.

– Господин Лебедев! Да посмотрите: они же все разные!

В призыве было столько боли и надежды, что Аполлон Григорьевич не удержался и взглянул. Действительно, рисунки иголочек, исходивших из рук, выглядели особенно. У кого-то похожи на пушинки одуванчика, у других – как язычки пламени.

– У сухого и свежего листа, у здорового и больного человека, у мужчины и женщины энергия дает разный рисунок! Если их изучить и систематизировать – можно ставить верный диагноз и лечить скрытую болезнь верно!

В этом порыве мелькнула искра разума. На любое проявление разума Лебедев реагировал как гончая на лису. Нельзя было не согласиться: отличия есть.

– Ну и что это дает? – спросил он, разглядывая фотографии.

– Смотрите: у мужчин всегда особый тип проявления силы, я назвал его энергиты. У женщин совсем другой: это динамиды. А вот эти шарики, – доктор указывал на еле заметные светлые круги, витавшие вокруг отпечатков, – получили название булеты... Уже начал классификацию. Впереди так много работы...

– Допустим, для медицины будет прок. А для криминалистики?

– Путь к фотографированию мыслей открыт! – сообщил Погорельский. – Безграничные возможности!

Как видно, сам он обладал неисчерпаемым запасом животного магнетизма. Или жизненной силы. В чем Лебедев видел тонкое проявление безумия.

– Вы сказали, что тот француз научился их фотографировать? – спросил он.

– Доктор Барадюк держит в секрете свой метод. Даже Наркевичу-Иодко не раскрыл! А ведь они вместе проводили опыты...

– Какой жадный и мерзкий этот Барадюк: открыл и ни с кем не делится. Так в науке не поступают. Ну, попадись он мне...

– Не важно! Я понял, как делать снимки мыслей на основе электрофотографии!

На всякий случай Лебедев оглянулся: ничего похожего на мысли в экспозиции не нашлось.

– Приглашаю вас к себе в кабинет! – сказал доктор, протягивая ему руку. – Там вы все узнаете. Поверьте, не пожалеете!

Аполлон Григорьевич хотел сказать веское и решительно «нет» наглой манипуляции великим криминалистом. Но почему-то согласился. В самом деле, кабинет доктора неподалеку. А вдруг великое открытие? Лебедев уже прикинул, чьи мысли сфотографирует в первую очередь. Был у него на примете отличный кандидат...

7

Титулярный советник Сверчков вышел в отставку не слишком состоятельным. За долгие годы беспорочной службы его наградили пенсионом. Крохотным, но все лучше, чем ничего. Иного состояния, кроме остатков приданого супруги и домика в Шувалове, который сдавался дачникам на лето, у него не имелось. Что объяснялось не слишком хлебным местом службы и брезгливостью к взяткам. Редкое достоинство для чиновника.

Тем не менее господин Сверчков снимал небольшую, но приличную квартирку на Захарьевской улице. Поближе к Окружному суду и службе драгоценного сыночка. Это была мельчайшая из жертв, какие Сверчков-старший совершал ради единственного чада. Так, напрягая все силы, обеспечил ему обучение в училище правоведения (на казенный кошт сынок не попал), что раскрывало перед юношей перспективы карьеры. Одевал у лучших портных столицы и выдавал на карманные расходы сколько нужно. Сам же вместе с супругой часто пивал пустой чай, радуясь, что милый Евгений угощает приятелей у Палкина или в «Дононе»[8 - Одни из самых дорогих ресторанов Петербурга.]. Ведь связи надо поддерживать с юности.

Незнакомцу Сверчков обрадовался как родному, окунув в волны добродушия. Когда же узнал, что господин Ванзаров прибыл по поручению самого господина Бурцова, переполошился, стал звать супругу, чтобы накрывала на стол, и выражать восторги такой чести, оказанной их семейству. Ванзаров просил ни о чем не беспокоиться, ему нужно обсудить важное дело с Евгением. По поручению Бурцова, разумеется. Такое обстоятельство привело Сверчкова в повиновение. Он вообразил, что сыночку светит продвижение и прочие блага. Которые господин Ванзаров может принести с собой. В распоряжение гостя была предоставлена гостиная, любящий отец с супругой удалились на кухню.

Трудно сомневаться, что любящий родитель до сих пор ничего не знал о поступке сына. Неужели Бурцов поберег старика?

Среди методов Ванзарова имелся один совершенно секретный, который он назвал психологией. Лебедев категорически отказывался признавать его, называя лженаукой. Тем не менее метод работал. Потому что был прост. Стоило определить черты характера человека, чтобы понять, какие поступки он может совершить, а какие нет. Исходя из условий ситуации. В психологии, конечно, многое держалось на опыте Ванзарова и больше относилось к искусству, чем строго к науке. Но какое это имеет значение, если результат был.

С точки зрения психологии такого не могло быть. Нельзя представить, чтобы Бурцов не намекнул Сверчкову-старшему о том, что натворил его сынок. Тут ведь не то что места лишиться – на каторгу не загреметь бы. Тем не менее в доме царили покой и благодать. Как будто ничего не случилось.

Между тем Сверчков тихонько постучался в дверь и попросил Женюшечку выйти: к нему пришли. Из комнаты раздался капризный голос:

– Ну кто там еще?

Батюшка доложил, что прибыл господин Ванзаров от самого Александра Васильевича. Что подействовало. Сверчков-младший обещал явиться в считанные минуты, только приведет себя в порядок.

Пока юноша наводил красоту, Ванзаров огляделся. Гостиная была обставлена потертой мебелью, доставшейся вместе с квартирой. Зато на стенах помещалась выставка фотографий, не уступавшая Соляному городку. Во всяком случае, в

количестве. Каждый шаг Женечки Сверчкова, от карапуза на коленях матери до лощеного студента-правоведа, был зафиксирован, помещен в рамочку и вывешен для обозрения. Сердца родителей переполняла любовь к чаду.

Сверчков оделся на удивление быстро. И тщательно: аккуратная сорочка, скромный галстук, вычищенный сюртук. Волосы уложены, усики приглажены. Гладко выбрит, ногти подстрижены. Модный, чистенький, свежий, хорошо воспитанный юноша. Не подал руки старшему, а вежливо поклонился. Молниеносный портрет, который Ванзаров научился составлять в первые секунды, когда лицезрел незнакомого человека, говорил: юноша прямолинеен, умен, сообразителен, не без хитрости, желает выслужиться. Ничего преступного или порочного. Судя по спокойствию и радушию, с каким встретил Ванзарова, неприятностей не ожидал. Как будто их не было вовсе. Неужели так уверен в своем покровителе?

– С кем имею честь? – спросил он подчеркнуто официально.

Ванзаров сказал, что служит в Департаменте полиции. Без лишних подробностей. Сверчков ответил многозначительным поклоном.

– Рад знакомству, Родион Георгиевич... Прошу вас садиться... Желаете чаю, кофе или приказать коньяку? – Юноша играл радушного хозяина. – Чем могу помочь?

– Господин Бурцов попросил меня разобраться в происшествии, – сказал Ванзаров, садясь в продавленное кресло и чувствуя под собой пружину.

Сверчков почтительно сел вслед за гостем.

– В каком именно происшествии? Из тех, что мы готовим к процессу? – спросил он, готовый отвечать на любой вопрос, как послушный гимназист.

Юноша не врал. Для этого у него недостает способностей. Он действительно не понимал, о чем идет речь. Искренне не понимал.

– Почему вы дома, а не на службе? – спросил Ванзаров.

– Александр Васильевич был так любезен, что предоставил мне несколько выходных дней. Такое блаженство, трудно описать. Можно только в ножки поклониться моему благодетелю...

– Бурцов дал вам отпуск после того, как отвез к Бехтереву?

На лице Сверчкова отразилось беспокойство. Нет, ничего не умеет скрывать.

– Откуда вам известно? – тихо спросил он. – Александр Васильевич просил меня даже родителям ничего не сообщать...

– А почему поехали на консультацию?

Сверчков замялся, как будто стеснялся.

– Два дня назад со мной произошла неприятность: упал в обморок в кабинете Александра Васильевича... Так стыдно...

– Опишите подробно.

Юноша смутился окончательно.

– Не могу вспомнить... Даже как оказался в кабинете. Пришел в себя, когда меня поднимал с пола судебный надзиратель... Упал в обморок.

– Обморок и все?

– Так неприятно... Господин Бурцов сразу предложил поехать на консультацию...

Нет сомнений: Сверчков ничего не помнит о выстрелах.

– Бурцов поручает вам чистить свой револьвер? – спросил Ванзаров.

– Ну конечно... Такой пустяк, и говорить не стоит. Отчего бы в свободную минуту не оказать услугу. Так устаешь от бумаг, что хочется что-то поделать руками...

На Ванзарова был устремлен открытый взгляд, без вызова, без хитрости.

– Господин Бурцов сообщил, что направил вас в спиритический кружок для негласного изучения, – сказал он. – Расскажите, что вам удалось узнать.

Сверчков явно насторожился.

– Он вам рассказал? – проговорил он. – Хотя что за глупость, иначе как бы вы узнали... Да, я посещаю спиритические сеансы.

– Какова цель?

– Выяснить, насколько спиритизм может быть применим к раскрытию преступлений.

Юноша говорил как по заученному. Сомнений нет: врать не умеет, но скрытничает. Неумело и коряво. С таким характером за карты лучше не садиться – продуется. Хотя и карты в руки не берет, пожалуй.

– Можете быть со мной откровенны, как с Бурцовым.

– И не думал скрывать. С чего мне? – опять соврал Сверчков. – Меня представили в кружке журнала «Ребус». Милейшие люди... Хожу на сеансы спиритизма... Довольно любопытно. Но пока выводы делать рано.

– Ведете дневник посещений? – спросил Ванзаров.

Спросил не наугад: недавний студент еще не избавился от учебных привычек все записывать в тетрадку. Так подсказывала психологика. И не ошибся. Сверчков сразу сознался, что дневник есть. Вернувшись из спальни, вручил тетрадку в кожаном переплете. Почерк у него был отменный, таким только наградные грамоты писать. Судя по записям, Сверчков посещал кружок три недели, начиная с конца сентября. Сеансы проходили два или три раза в неделю. Почти все были обозначены: «квартира Иртемьева». Только 16 октября их было два. Первый обозначен: «Редакция Ребуса». Далее шел довольно странный комментарий.

– Что значит: «провал Калиосто»? – спросил Ванзаров. – Вызвали дух великого авантюриста, а он оказался пиковой дамой?

– Нет, это другой, – улыбнулся Сверчков. – Некий Герман Калиосто... Заявлял о себе, что умеет угадывать мысли. Напросился на показ в журнале и провалился.

– Не смог угадать мысли?

– Не то слово. Полный конфуз: пыжился, краснел – и ничего... На что рассчитывал? Непонятно... С ним еще должна выступать некая девица Люция, ей, кажется, десять лет, почти ребенок. Она якобы умеет предсказывать будущее... До нее не дошло, господин Прибытков, главный редактор, прекратил этот цирк...

– Каковы впечатления о сеансах? Поверили в спиритизм?

Сверчков старался быть сдержанным, поэтому и выдавал себя целиком:

– Много странного и труднообъяснимого.

– Стол поднимался? – спросил Ванзаров.

– Возможно... Сеансы происходили в темноте...

– Явления призраков наблюдали?

– Пока не слишком опытен, чтобы так продвинуться в чувственном восприятии, – смущенно ответил юноша.

Наверняка не мог понять, это у него в темноте перед глазами круги пляшут или спиритическое явление.

– Что же видели непосредственно? – не отставал Ванзаров.

– Нечто отвечало на вопросы, – сказал Сверчков куда более уверенно.

– Каким образом?

– Задается вопрос... Кто-то из участников ведет по алфавитному кругу карандашом... Три стука означает «да», верная буква, один стук – «нет». Таким образом составляется слово, ответ...

– Сами спрашивали?

– Да, мне было позволено...

– Ответ был полезным?

Сверчков помедлил, словно не хотел сболтнуть лишнего.

– Спиритизм редко дает точные ответы. Скорее двусмысленные.

– О чем спрашивали? – невежливо поинтересовался Ванзаров.

– Прошу простить, Родион Георгиевич, вопрос касался моей личной жизни...

– Вам не предсказали, что совершите большую глупость? Например, будете стрелять в Бурцова?

Как ни старался Сверчков быть опытным светским человеком, но тут его пробрало. Он возмутился искренне, как обиженный мальчишка.

– Да что вы такое говорите! И в помине не было... Даю вам слово!

Ванзаров полистал страницы дневника. Между третьим и четвертым сеансом Сверчков выписал в столбик фамилии постоянных участников:

Г-н Прибытков В. И.

Иртемьев И. Д.

Афина И.

М-ль Волант

Г-н Мурфи А. Д.

М. Хованский

Г-н Клокоцкий С. С.

В. Ланд

Док. Погорельский

Рядом с каждой были сделаны пометки, означавшие наблюдения Сверчкова. Понятные, как детский ребус: хороший – плохой, веселый – печальный, говорил – молчал. И так далее... Больше всего значков собрал хозяин квартиры, где проходили сеансы. Судя по значкам, он находился под подозрением. Как минимум – проявлений дурного характера. Что наверняка означали зигзаги в виде молний.

– Кто такой Иртемьев? – спросил Ванзаров. – Что из себя представляет?

Отвечать Сверчкову явно не хотелось.

– Иона Денисович – выдающийся магнетизер, – проговорил он с почтением. – Большой талант. Занимается изучением спиритизма...

– «Афина И.» – его супруга?

Юноша только кивнул.

– Молода и симпатична...

В лице Сверчкова мелькнуло удивление.

– Откуда вам известно?

Нельзя было раскрыть тайну психологии, чтобы не обидеть юношу: только супруга Иртемьева записана по имени, а ее фамилия обозначена буквой. Так делают мальчики, которым нравится хорошенькая сверстница, особенно если она уже замужем. Фамилия мужа для них неприятна, вот и сокращают до буквы. Сверчков проявил в дневнике свое отношение. Вот и вся тайна.

– Это второй брак Иртемьева?

– Да...

– Его первая жена умерла года два назад?

– Вероятно...

Сверчков явно не желал об этом говорить. Только не мог сказать напрямик. Ванзаров не стал настаивать.

– Опишите остальных...

– Мадемуазель Волант... Редкая красавица, черные вьющиеся волосы, гордый профиль, электрическая женщина...

– Искрами сыплет?

– Нет, у нее природные неконтролируемые способности... Истечение животного магнетизма... И тому подобное...

Ванзаров подумал, что юноша по младости лет еще не знает, как бывают опасны и непредсказуемы «электрические» женщины. И лучше, чтобы не узнал.

– Господин Мурфи? – спросил он.

– Ученый химик, – ответил Сверчков подчеркнуто уважительно. – Хованский – просто веселый человек, кажется, родственник Иртемьева, вроде ничем не занят. Клокоцкий – это нотариус Иртемьева. Верочка Ланд – компаньонка Афины, ну а доктор Погорельский широко известен. Родион Георгиевич, прошу простить, а в чем причина вашего интереса?

Ванзаров пропустил мимо ушей.

– Сами как к спиритизму относитесь? – вместо ответа спросил он, возвращая дневник. – Может он быть полезен для розыска преступников?

Сверчков, прижимая тетрадку к груди, явно подбирал слова. Что было так же очевидно, как его неумение врать.

– Слишком мало знаком... Видел и слышал нечто такое, чему трудно найти объяснение...

– Когда следующий сеанс?

– Намечен на сегодня... У Иртемьева...

– В кружке знают, кто вы?

– Господин Погорельский представил меня как недавнего выпускника Императорского училища правоведения, – старательно ответил Сверчков.

Ничего более не объясняя, Ванзаров потребовал оставаться дома. До вечера. Или пока он за ним сам не придет. Для верности сослался на распоряжение Бурцова. Чтобы у юноши не было соблазна послушаться.

Сверчков обещал быть исключительно послушным.

Виктор Иванович проверял гранки воскресного выпуска «Ребуса». В номере печаталось продолжение обширного исследования доктора Погорельского «Животный магнетизм», была статья о случаях явления призраков, материал о богах древних скандинавов, несколько новостей спиритического движения в Европе и очередная глава романа «Легенда старинного баронского замка». Номер получался, как всегда, познавательным и полезным. Чего ждала

читающая публика.

Еще оставалось место под короткую статью. Прибытков решил сделать заметку, изобличавшую шарлатанов, которые притворяются медиумами и позорят спиритизм. В качестве примера был избран «так называемый г-н Калиосто, гастроллирующий фокусник». Пустые обвинения публиковать и не думал: факты и ничего, кроме фактов. Раз сам напросился.

В кабинет заглянул секретарь, сообщив, что редактора спрашивает какая-то дама. Наверное, восторженная читательница. Подобные личности часто заглядывали в журнал, чтобы рассказать о видениях, пророческих снах и прочей чепухе, к научному спиритизму не имеющей отношения. Прибытков не избегал ни одного читателя. Раз платят деньги – имеют право высказаться. Он разрешил барышне войти.

С первого взгляда ему показалось, что гостя – ребенок, одетый как взрослая женщина. Что вызывало некоторое смущение.

– Что вам угодно? – довольно строго спросил Прибытков, не предложив сесть и желая поскорее выпроводить ее.

– Прошу выслушать меня, господин редактор...

Женщина-ребенок говорила тихим голосом, всем видом являя смирение и покорность. Совсем не так, как ведут себя подружки привидений.

– Желаете сообщить нечто интересное для журнала? – смягчившись, спросил он.

– У меня к вам просьба, господин редактор...

На просительницу, какие иногда заглядывали, чтобы выудить деньги под жалостливую историю, эта не похожа. Подобных обманщиц Прибытков насмотрелся.

– Какого рода просьба?

– Вы надумали разместить в ближайшем выпуске короткую статью о позорном провале Германа Калиосто...

О том, что Прибытков хочет написать статью, знал только он. Мысль эта пришла недавно, когда после верстки остался пустой подвал. Который нечем было занять.

– Откуда вам это известно... мадемуазель? – назвать ребенка дамой было выше его сил.

– Я это видела, – так же тихо ответила она.

– Видели? Где? – раздражаясь, спросил Прибытков. Тумана в разговорах он не терпел. Все-таки капитан, хоть и в отставке.

– В том, что должно случиться... Может случиться...

Несмотря на мягкий характер, иногда Виктор Иванович бывал несдержан.

– Да что вы такое лепечете, барышня! – возмутился он.

– В воскресенье выйдет «Ребус», в котором вы поместите статью... Герман Калиосто прочтет и в отчаянии наложит на себя руки... Не совершайте ошибки, господин Прибытков... Пожалейте его, он ни в чем не виноват...

Не выдержав, Прибытков выскочил из-за стола. Со своего не слишком высокого роста он смотрел на барышню сверху вниз.

– Кто вы такая? Почему указываете, что мне делать или не делать в своем журнале? Цензурного комитета достаточно!

– Меня зовут Люция, – ответила мадемуазель, подняв глаза. Под ее взглядом Виктор Иванович отчего-то смутился. – Я должна была выступить перед вами после Германа. Случилось несчастье, и вы отменили выступление.

– Несчастье? Ваш... – Прибытков запнулся, не зная, какое слово применить: муж, отец, брат, дядя или партнер, – ваш Калиосто обыкновенный жулик. Мы таких

повидали множество. Будет ему уроком...

– Герман не жулик. У него дар видеть мысли. Это правда...

– Хорош дар: пыжился, как индюк, и никакого толку!

– Ему помешали, – сказала Люция.

– Помешали? Кто? Не говорите глупостей, мадемуазель...

– Случилась беда... Я знала, что ему не нужно выступать, отговаривала, но Герман меня не послушал.

– Вы знали, что будет провал? – переспросил Прибытков.

– Знала и не могла помешать. Он так хотел произвести на вас впечатление своими способностями... Это было неизбежно.

Виктор Иванович не знал, что и подумать. Эта девушка или женщина, шут ее разберет, говорила так убедительно, что нельзя было не поверить.

– Но почему... – только проговорил он.

– Потому что здесь, у вас, было зло... Слишком сильное, слишком уверенное, слишком мощное... Герман с ним не справился.

– Какое зло? – в растерянности проговорил Прибытков, сбитый с толку.

Приподнявшись на цыпочки, Люция стала шептать ему на ухо. Чем больше узнавал редактор «Ребуса», тем глубже погружался в сомнения. О том, чтобы печатать статью, он уже не думал. Тут такое может случиться...

Лебедеву уже стало интересно, насколько хватит его терпения. Как глубоко его исчерпал энергичный доктор. И сколько еще осталось. Начать с того, что в приемном кабинете Погорельского не оказалось никаких фотографий мыслей. Доктор выразился, что только догадался о методе съемки, но не решился испытать его без «серьезной поддержки». Аполлон Григорьевич стерпел и даже не вынул опасную сигарилью. А дальше начался спектакль, в котором ему была уготована главная роль.

Погорельский с гордостью показал фотопластинку, какими пользуются фотографы в салонах. Пластика была обернута в черную бумагу. Как оказалось, это контрольный опыт перед фотографированием мыслей. Опыт состоял в том, что Лебедев должен был зайти в темную комнату, завешенную тяжелыми шторами, плотно прижать пластинку ко лбу и настойчиво думать, думать, думать о чем-то одном. Минут пять думать, не больше.

– Это немного устаревший метод идеопластики, или доркографии, или психофотография, то есть получение на фотопластинке изображений без посредства камеры, света или аппарата для производства токов X-лучей, одной силой мысли, – сверкая энтузиазмом и знаниями, сообщил доктор. – Метод был разработан Траиль Тейлором и проверен Глендиннингом. Вам, конечно, это известно...

Бесполезными знаниями Лебедев голову не замусоривал. Мало того, что Ванзаров придумал психологику и балуется ей, так еще и психофотография. Только еще одной лженауки не хватало! Перспектива держать у лба пластинку, да еще в полной темноте, не слишком бодрила.

– Может, ну ее, эту доркографию, – предложил он. – Сами говорите: метод устарел.

– Мы, как ученые, должны руководствоваться бескомпромиссным принципом *ultima ratio*[9 - Здесь: окончательный аргумент.], чтобы не осталось никаких сомнений в правдивости результата. Этого требовал Гартман при изучении спиритизма, этому будем следовать мы!

Аполлону Григорьевичу осталось только вслед за принципом проследовать в темную комнату. У него тоже есть научная жилка, и, раз вляпался в немыслимую глупость, надо терпеть. Он честно держал у лба пластинку. Вот только думать о

чем-то одном не мог. Мысли его были слишком обширны.

Наконец пластинка с мыслями Лебедева была наполнена до краев. Погорельский притащил фонарь, каким освещают фотолабораторию, и сам сиял счастьем, как электрическая лампочка. Комната осветилась пугающе-красными бликами, будто в адском подземелье забыли запереть люк. После чего доктор представил свое изобретение. Аполлон Григорьевич без труда узнал самую обычную катушку Румкорфа, которая позволяет получить электрическую искру за счет накопленного магнитного поля и пробоя воздуха. Один вывод вторичной обмотки катушки Погорельский присоединил к металлическому штырю, явно переделанному из больничной вешалки. Второй вывод он прикрутил к изолированной проволоке, изогнутой знаком вопроса. После чего, используя бинт, прикрутил загогулину к фотопластинке.

– И что мне с этим делать? – с явным опасением спросил Лебедев.

Ему протянули толстые резиновые перчатки.

– Одну подложите на голову для изоляции, другую наденьте и плотно прижмите пластину к виску.

– А вы что будете делать в это время?

– Пущу ток!

В оптимизме доктора слышалось нечто кровожадное. Аполлон Григорьевич мог прямо сейчас послать его, куда электрический ток не проникал. Но терпение все еще оставалось. Ему стало любопытно, чем закончится опыт. Заряд машинка вырабатывала не слишком значительный, убить великого криминалиста не удастся. И Лебедев согласился. Надел перчатку, другой прикрыл висок и приложил пластинку. Погорельский прикрутил к машинке концы гальванического элемента.

– Готовы, Аполлон Григорьевич?

– Не тяните!

– Даю разряд!

Что-то загудело, раздался щелчок. Лебедев ощутил, как волосы у него встали дыбом. Трудно сказать, что случилось с его мыслями в этот момент.

– Снято! – крикнул доктор. – Опыт окончен! Осталось получить снимок!

Лебедев не отдал пластинку. Еще и забрал пробную, с доркографией. Не хватало, чтобы его мысли проявлял какой-то фотограф с Невского. Он обещал сделать сам: все необходимое для проявки и печати у него имелось. Уговоры Погорельского были отвергнуты безжалостно.

Очень вовремя раздался звонок. Доктор извинился и побежал открывать пациенту. За фотографированием мыслей, конечно, будущее, но людям хочется лечиться сегодня.

Спрятав пластинки под мышкой, откуда их можно было вынуть, только выиграв смертный бой, Лебедев вышел в приемную. И чуть не испортил дело. Хотя удивление его было простительно. Трудно – нет, невозможно ожидать, что к Погорельскому заглянет Ванзаров. Аполлон Григорьевич быстро сообразил: друг его бесценный никогда не лечился, а если и болел, то простудой, которую пользовал водкой и медом. Лучшее лекарство от всех хворей. Значит, тут что-то другое. Тем более криминалисту был послан выразительный взгляд: «Держите рот на замке, дорогой друг».

– Прошу простить за вторжение, я без записи, не смог пройти мимо, – сказал Ванзаров, протягивая журнал «Ребус». – Буду счастлив получить ваш автограф, доктор. Публикация «Животного магнетизма» – лучшее, что я читал по этой теме.

– Пожалуй, пойду, – заторопился Лебедев. – Жду вас сегодня к вечеру у себя на Фонтанке, Мессель Викентьевич. Посмотрим, что получилось...

С Ванзаровым они раскланялись, как вежливые люди, совершенно незнакомые.

Между тем Погорельский раскрыл журнал на своей публикации и обмакнул ручку в чернильницу.

– Кому подписать? – спросил он, пряча авторское тщеславие. Гадкое и сладостное чувство, доложу я вам, драгоценный читатель... Ну да речь не об этом...

– Напишите: Ванзарову. Родиону Ванзарову...

Доктор изобразил вместо слов закорючки, как это принято у докторов, размашисто расписался и протянул журнал.

– Интересуетесь магнетизмом?

– И не только, – сказал Ванзаров, пряча «Ребус» во внутренний карман. – Читал Перти, Карла дю Преля, Цёльнера, Серджента, Юма...[10 - Знаменитые теоретики и практики современного спиритизма.]

– О, так вы знаток теоретических трудов по спиритизму? – обрадовался Погорельский. – Чем полагаете спиритические явления?

– Из области психологических феноменов, – ответил Ванзаров.

Уклончивость тем хороша, что каждый понимает ее по-своему. Доктор увидел схожесть со своими идеями животного магнетизма. Чему не мог не обрадоваться.

– Часто сеансировали? – дружелюбно спросил он.

– Принимал участие...

– У кого же?

– Был в Лондоне на сеансах великого Крукса[11 - Уильям Крукс – знаменитый физик и химик, активный сторонник и исследователь спиритизма.].

– Феноменально! – вскричал Погорельский и с горячностью схватил руки Ванзарова. – Когда? Как это было? Расскажите...

– Примерно полтора года назад... Просто повезло... После того, что видел, трудно сомневаться в спиритизме.

– А в Париж, к великому Ипполиту Барадюку заезжали?

– Не пришлось, – с тяжким вздохом ответил Ванзаров. – Доктор Погорельский, позвольте вопрос?

– Сколько угодно, дорогой друг!

Вероятно, любовь к спиритизму делает людей друзьями быстрее электрической искры. Со всей скромностью Ванзаров поведал, что недавно получил небольшой свободный капитал, удачно продал акции и теперь желает вложить их в изучение спиритизма. И вообще мечтает познакомиться с кружком обожаемого журнала «Ребус». Особенно с господином Иртемьевым, о способностях которого много наслышан. Нельзя ли устроить в ближайшее время.

– Так зачем же откладывать! – вскричал Погорельский, боясь отпустить из рук уника, который хочет финансировать спиритизм. Да о таком можно только мечтать. – Прямо сейчас и отправимся!

У Ванзарова оказались неотложные дела. Но он обещал прибыть на Екатерининский канал в условленное время. То есть через два часа...

– Прошу прощения за любопытство, – сказал Ванзаров уже в прихожей. – А кто этот больной господин, что был у вас на приеме?

Погорельский выразил все удивление, на какое был способен.

– Это же сам Лебедев! Аполлон Григорьевич! Знаменитость! Гений российской криминалистики! Его имя гремит на всю империю!

– От чего лечите его?

– Что вы! Он пышет здоровьем! У нас с ним общий научный интерес.

– Какого же рода?

– Это секрет! – Погорельский даже подмигнул. – Пока секрет. Но вскоре открытие прогремит по всему миру! Так разве вы не слыхали о Лебедеве?

– Нет, никогда, – сказал Ванзаров. Поклонился и вышел.

10

Господин Квицинский не любил проводить встречи в людных местах. А предпочитал парки или сады, где кусты и деревья создают естественную защиту от посторонних глаз. Хуже всего кофейные. Кругом публика, не поймешь, кто сидит за соседним столиком, у кого уши работают, как у летучей мыши. Но дама захотела кофейную. Точнее сказать, придумала угоститься за счет Квицинского. И выбрала не какой-нибудь тихий уголок, а «Балле» на Невском проспекте.

Квицинский смог занять самый дальний от окна столик. Мадемуазель появилась с опозданием в четверть часа. Сколько он ни бранился, что опоздания недопустимы, она извинялась, обещала больше не опаздывать и опаздывала снова. Втайне считая, что красивой барышне многое позволено.

Она была хороша. И не скрывала этого, а, наоборот, подчеркивала. Квицинский старательно не замечал шаловливых взглядов, которыми в него стреляли. Игривость кудрявой брюнетки не знала границ. И порой выходила за пределы того, что позволительно на людях. Особенно в кофейной, где на них то и дело посматривали. Будто на любовников. Такое положение злило, но исправить его Квицинский не мог. Потому что мадемуазель при внешнем легкомыслии была толковой и наблюдательной. Не говоря о том, что умела выведывать важные сведения.

– Как ваши успехи? – спросил он, отпустив официанта, которому был заказан кофе с миндальным пирожным.

– Отвратительная погода. Ненавижу осень в Петербурге, – ответила она с такой улыбкой, будто он делал неприличный намек.

Между тем за окном было сухо и даже солнечно. Редкий день.

– Что нового?

Пояснений не требовалось. Новости ожидались вполне конкретные. Мадемуазель кратко, но толково перечислила все, что узнала.

– Что это за новый мальчик?

Мадемуазель подарила официанту, подавшему заказ, улыбку и облизала чайную ложечку.

– Полное ничто... Наивный и пустой. Хоть окончил училище правоведения. Кажется, с отличием.

– А подопечный?

– Старательно трудится.

– Сильно продвинулся?

– Насколько мне известно, результат ожидается в ближайшее время, – сказала она, тронув верхней губкой кофейную чашку.

– Не пропустите момент...

– Можете быть покойны, Леонид Антонович, не упущу. – Мадемуазель показала белые зубки, похожие на беличьи. За что и получила свою кличку в отчетах. А не за вертлявость, которая так раздражала.

– Прошу держать под неусыпным вниманием, – сказал Квицинский. – Дело может оказаться чрезвычайно важным. Слишком важным...

– Не извольте беспокоиться, от меня не ускользнет, – ответила она игриво. – Как только появится что-то стоящее, вы узнаете первым... Обещаю...

На том встречу можно было считать оконченной.

Квицинский просидел еще полчаса: в кофейной нельзя было встать и уйти, не привлекая лишнего внимания. Он сидел и слушал ее болтовню, с тоской глядя в окно. Оплатив счет, Квицинский получил долгожданную свободу. И вышел на Невский.

– Любую новость сообщайте сразу, телефонируйте, у вас есть возможность. Конец девятнадцатого века на пороге, а вы записочки посылаете... Привыкайте к прогрессу. – И Квицинский приподнял шляпу на прощание.

Мадемуазель помахала ему ручкой. Так трогательно, что никакому прогрессу и не снилось...

11

Засада оказалась там, где должна была быть. Зная характер великого криминалиста, нельзя было и подумать, что он отправится в лабораторию. Пари на такое событие было бы заранее проиграно. Любопытство было третьим, нет, четвертым пороком Лебедева после любви к науке, любви к актрискам, любви к сигарильям и вздорного характера. Выходит – пятым. Но по важности – одно из первых. Если бы Аполлон Григорьевич немедленно не выяснил подробности, он, пожалуй, лопнул бы от нетерпения и догадок. А такого позволить себе он не мог.

Ванзаров завернул с Литейного проспекта на Симеоновскую улицу и тут же был пойман. Дорогу преградила величественная фигура Лебедева. Он был чуть выше чиновника сыска. Незначительно.

– И как же это понимать, друг мой? – с ледяной строгостью спросил Аполлон Григорьевич. При этом в глазах у него бегали хитрые искорки. Наверное, электричество из головы не выветрилось.

– О, это вы... Думал, ушли к себе фотографии проявлять, – с невинным выражением лица ответил Ванзаров. – Чрезвычайно рад видеть.

Обсуждать, как он фотографировал свои мысли, Лебедев не собирался. Дать Ванзарову разрушительное и непобедимое оружие для их споров, не говоря уже

о насмешках? Да ни за что! Упираться и молчать, как закоренелый каторжник.

– Какие фотографии? С чего вы взяли?

– Те, что у вас под мышкой. Из-под пальто выпирает плоский прямой уголок. Наверняка фотографическая пластинка. Для одной толстовато, вероятно, две...

Лебедев отдавал должное умению друга видеть и замечать мелкие детали, из которых тот делал большие выводы. Но сейчас талант играл против него.

– Да, фотографии... Они у меня с собой были... При себе, – отвечал Лебедев не слишком умело. – Они вообще не имеют отношения к Погорельскому.

– Разве я спрашивал вас об этом?

Тут Аполлон Григорьевич понял, что почти проболтался. Еще слово, и ему придется исповедаться и про пластинку у лба, и про доркографию. Из него буквально вытащат признание. А все эта проклятая ванзаровская логика. Или сократовская, пес их побери обоих...

– Да что вы привязались! – возмутился он. – Мои фотопластинки... Отстаньте!

– Директор Зволянский попросил вас сфотографировать доктора на память? – спросил Ванзаров, соединив в логическую цепочку разрозненные факты, какие знал. Эффект превзошел ожидания: Лебедев растерялся. Великий криминалист был сражен нечеловеческой проницательностью. Или волшебством. Одно из двух.

– Это вы как... Откуда... Что еще такое... – растерянно проговорил он.

Логика бесцеремонно указывала: Зволянский «расплатился» с Погорельским за то, что тот ввел в кружок спиритов юношу Сверчкова. Расплатился по-крупному, если пошел на поклон к Лебедеву. Как видно, дело Сверчкова того стоило. Что вызывало неожиданные вопросы...

– Аполлон Григорьевич, простите за шутку, – сказал Ванзаров, склоняя голову. – Болтаю что ни попадя...

Испытав облегчение и злясь на себя, Лебедев постарался задать жару:

– А вы-то что делали у этого безумца? Приходит, журнальчик подает, автограф просит, глазками мне знаки подает! Что это за цирк устроили? Тоже небось Зволянский приказал?

– Да, приказал, – кротко ответил Ванзаров.

Буря стихла. Долго злиться на друга Лебедев не умел. Тем более сам виноват. А тут еще мелькнул новый интерес.

– Это по какому делу? – спросил он без всякого раздражения, подхватывая Ванзарова под руку. – Почему я ничего не знаю?

– Рад бы, но не могу...

Аполлон Григорьевич хотел было обидеться, но не смог. Он знал, что, если Ванзаров помалкивает, тому есть веские причины. И давить на него бесполезно. Он не пристав, не поддастся...

– Зато прошу вас о помощи, – продолжил Ванзаров.

Что для Лебедева прозвучало лучшим из комплиментов.

– Уж не знаю, смогу ли... Куда мне до вас... И логика у вас, и майевтика, и даже глупейшая психологика... А что у меня? Так, микроскоп да реактивы...

– Без вас, Аполлон Григорьевич, без вашего опыта и знаний, логика слепа и беспомощна... Как котенок...

– Ладно уж, чего там... – криминалист расцвел, как осенний цветок. Да, слаб великий человек к похвале, тщеславен, что поделывать...

– Представьте ситуацию: юноша примерно двадцати двух лет, хорошо образован, не бедствует, в начале блестящей карьеры вдруг без видимой причины стреляет в своего покровителя и благодетеля. Причем вообще не

помнит о поступке.

– Врет, – сразу ответил Лебедев.

– Не умеет, – ответил Ванзаров. – Я проверил.

– Значит, был пьян.

– Не пьет, примерного поведения.

– Ревность, – сказал Лебедев и тут же мотнул головой. – Нет, это же сразу ясно... Тогда революционер. Они умеют мозги выворачивать.

– Не годится.

– Почему?

Ванзаров не мог помянуть психологию и Бурцова ни вместе, ни по отдельности. Над психологией Лебедев издевался, считая лженаукой, а судебного следователя на дух не переносил. Были у них неприятные стычки.

– В таком случае им бы занимались другие господа.

Прозрачный намек Аполлон Григорьевич понял, ответ счел достойным.

– Остаются опий, морфий и подобные радости, – сказал он. – Могут давать эффект потери памяти. Хотя если мальчишка не пьет, то куда ему с этим... Лучше предоставьте его мне, сделаем анализы, проверим...

Детскую ловушку Ванзаров не счел нужным замечать.

– Больше идей нет?

– Только колдовство, – сказал Лебедев. – Читал брошюру о народных знахарях, автор уверяет, что в глухих деревнях у нас водятся старухи, которые умеют заворожить. Нашепчут что-то на ухо – и человек сам не свой становится. Это,

конечно, ересь и басни этнографов...

– А как же гипнотизм? – аккуратно спросил Ванзаров.

Аполлон Григорьевич недовольно хмыкнул.

– Ах, вот вы о чем... Сказали бы сразу, зачем было кругами ходить... Я лично с гипнотизмом не сталкивался, один раз побывал на сеансе на кафедре медицины. Что это такое, сказать не могу, так как техникой гипноза не владею. Изучать желания нет... Что вы меня мучаете, спросили бы у Погорельского.

– Он лечит гипнозом?

– Насколько лечит, не знаю, а вот брошюрку про гипноз издал...

– Может, припомните преступления, связанные с гипнозом?

Лебедев выразительно поморщился:

– Если и случалось нечто подобное, то мы никогда не узнаем: гипнотизм ни один пристав в дело не запишет. Сами понимаете, кому охота со службы вылететь.

Ванзаров понимал.

– А в Европе?

– Недавно прочел про случай в Лондоне 17 сентября. Некая мисс Рейнар, гувернантка, вышла из дома и пропала. Хозяева обратились в полицию: девушка примерного поведения, не могла просто так исчезнуть. Тем более из дома ничего не пропало. Начались поиски. Через день ее нашли. Знаете где? В больнице для престарелых актеров. На допросе в полиции Рейнар показала, что ехала, как обычно, в поезде из Лемингтона. В купе к ней подсели двое незнакомцев, стали делать над ней пассы. После чего она уже ничего не помнила. Пришла в себя в больнице без сумочки, денег и вещей. Описать этих мужчин не смогла. Скотленд-Ярд дело закрыл. За невозможностью поимки преступников...

– Это все?

Лебедев заметил, что оболочка его друга стоит на Симеоновской, а остальное нырнуло в мыслительные глубины. Ванзаров впал в особую протрацию.

– Краффт-Эбинг[12 - Рихард фон Краффт-Эбинг – знаменитый австрийский психиатр и криминалист, один из основателей сексологии.] описывает пациентку, которая была уверена: муж хочет довести ее до самоубийства, гипнотизируя. Но это скорее вопрос психиатрии. Женская истерия, что возьмешь...

Ванзаров незаметно вздрогнул, будто очнулся от сна с открытыми глазами.

– Благодарю, Аполлон Григорьевич, ваша помощь бесценна... Как всегда.

Он быстро попрощался и пошел в сторону Фонтанки и цирка Чинизелли.

А Лебедев не мог решить, благодарность это или ирония. С Ванзаровым ни в чем нельзя быть уверенным.

12

Посетителей у Палкина было не много. Время такое несуразное. Публика собиралась к вечеру. Тогда на сцену выходил оркестр пожарной команды под управлением брандмайора, а на кухне готовили знаменитые блюда, ради которых знатоки посещали ресторан. Завтрак был скромнее, всего-то пятьдесят блюд, не считая горячих и холодных закусок. В огромном зале, с высокого потолка которого спускались люстры, похожие на хрустальные пирамиды, было тихо. Тенью шуршали официанты с подносами, звенели вилки, гости беседовали вполголоса.

– Может, он совсем не придет? – спросил нервный желчный господин. К закускам он не притронулся.

Его спутник, напротив, ел много и с аппетитом, что не скрывала его комплекция.

– Не волнуйся, просто малость задерживается, – ответил он, не переставая жевать.

– Малость? Полчаса! Это как понимать...

– Выпей, Яков, и успокойся. – Плотный господин поднял бокал с коньяком. – Дело стоит того, чтобы подождать... А вот и он. Я же говорил...

В зале стоял элегантно одетый мужчина и что-то выпрашивал у официанта. По его холеному добродушному лицу трудно было определить возраст: далеко не юноша, но и не старик. Завидное качество для мужчины.

Плотный господин посигналил ему вилкой. Тот заметил призыв, оставил официанта, подошел к столу и изящно поклонился.

– Господа, приношу извинения, дела не отпускали. – И он без церемоний плюхнулся на стул.

– Вот, Яков, позволь тебе представить Михаила Павловича Хованского... Человек замечательный и полезный...

Хованский дружелюбно кивнул и налил в бокал из графинчика. Он не слишком утруждал себя манерами и церемониями, считая, что его извиняет дружелюбие и легкий нрав. Который так нравится людям. Буквально очаровывает.

– Рад знакомству! – сказал он, поднимая бокал, но не узнав, как зовут нового знакомого. – Я привык запросто, без отчества, Миша... Зачем язык ломать...

Чем ухудшил первое впечатление: Яков не выносил легкомыслия. Особенно в мужчинах. Особенно в деловых.

– А это мой товарищ и компаньон Гренцталь, – продолжил плотный господин. – Для начала отведайте с нашего стола.

– Благодарю, господин Обромпальский, я не голоден, – сказал Хованский, накладывая на тарелку и закидывая в рот соленые грибы.

Гренцталь выразительно взглянул на компаньона: «Ты уверен?» На что Обромпальский так же ответил: «Не беспокойся!»

– Ну, раз так, может, обсудим дела наши? – предложил он.

– Обсудим! – ответил Хованский, энергично жуя. – Дело простое: вам большая выгода, мне процент.

– Откуда возьмется выгода? – сухо спросил Гренцталь. Новый знакомый не вызвал у него ничего, кроме неприязни. – Акции не дорожают по нашему желанию.

Хованский налил еще и подмигнул.

– Увидите, как взлетят...

– Молодой человек... – Гренцталь удержал порыв. – Вам знакомы механизмы, которые управляют биржевой торговлей?

– Ага, – ответил Хованский с набитым ртом. – Проще некуда: покупай и продавай. Только момент знать надо.

– И вы угадаете? – вскрикнул Гренцталь, обратив на себя внимание. Обромпальский попросил его говорить потише.

Хованский тщательно вытер салфеткой рот и отбросил ее, попав в мясную нарезку.

– Мне не надо угадывать, – сказал он, ковыряя в зубах. – Ваши акции будут хватать как горячие пирожки. Цена вырастет многократно. Причем когда захотите.

– То есть вы сможете управлять торгами? – Интонация Гренцталя не предвещала ничего хорошего.

Обромпальский понял, что пора вмешаться.

– Не горячись, Яков... Дай Михаилу Павловичу изложить...

Оттолкнувшись на стуле, Гренцталь демонстративно сложил руки на груди.

– Извольте, готов слушать...

– Ну, объясните как есть. Яков нервничает, простите его, – примирительно сказал Обромпальский.

– Это можно, – сразу согласился Хованский. Легкий нрав – это счастье. – Чтобы какие-то акции начали расти, их должны начать скупать несколько биржевиков, на которых всегда ориентируются. А дальше лавина покатится, только подставляй карман. Не так ли?

– Возможно, – ответил Обромпальский. – Почему они будут покупать наши акции?

Хованский улыбнулся.

– Они захотят.

– Вот так просто?

– Проще некуда, господин Обромпальский.

– Что же вам для этого понадобится?

– Соберите всех нужных биржевиков в одном укромном месте... Да хоть в отдельном зале «Донона». У них там довольно мило. Предлог сами найдите – дружеский обед или что-то такое... Полагаю, достаточно пять-шесть биржевиков...

– И что же дальше?

– После обеда у них явится желание скупать ваши акции.

– Каким образом?

– А уж это мое дело! – Хованский поднял бокал. – За наш общий успех.

Никто с ним не чокнулся. Обромпальский обратился к компаньону:

– Что скажешь, Яков?

Гренцталь пребывал в раздумьях. Развязный господин ему не нравился, не вызывал доверия, но желание сразу сорвать большой куш было сильнее.

– Пригласить нужных людей на обед в «Дононе» – невелика хитрость и расход небольшой, – проговорил он. – Только где гарантия, что дело выгорит?

– Мое слово, – ответил Хованский с исключительной важностью.

– Почему мы должны вам верить?

– Потому что я хочу получить с роста ваших акций десять процентов...

Компаньоны переглянулись.

– Не слишком ли жирный кусок, Михаил Павлович? – спросил Обромпальский.

– В самый раз. Можете отказаться, не получите ничего...

Аргумент был слишком веский. Сделка была скреплена рукопожатием. Гренцталь брезгливо поморщился, когда пожимал ладонь Хованскому. Тот ничего не замечал в радушном настрое.

– Когда приглашать на обед, Михаил Павлович?

– Через два дня устроит, господин Обромпальский?

Срок был приемлемый.

– Ну, господа, раз обо всем договорились, предлагаю заняться завтраком...

Хованский многозначительно поднял палец.

– Один момент, господин Обромпальский... Для подтверждения серьезности ваших намерений прошу аванс вперед...

– Какой аванс, Михаил Павлович?

– Небольшой. Тысяча рублей меня устроит. – Хованский сиял дружелюбием. – Всего лишь малая часть той выгоды, что вы получите. Не так ли?

13

Голуби вспорхнули и унеслись ввысь. Ванзаров не разбирался в птицах, но эти были не похожи на серых уличных попрошаек: холеные красавцы, смотрят на людей с важностью. Где-то поблизости голубятня.

Гостиная была обставлена добротной мебелью, не слишком новой, но еще не вышедшей из моды. Мягкие кресла, диванчик, столик ломберный, столик, который использовали для игры и закусок, пейзажи с видами Франции, как видно, купленные у художников на Монмартре. Большой складной стол с круглой столешницей прислонен к дальней стене. Вдоль других расставлены гостевые стулья. У самого входа на тонкой классической консоли красовался бюст Вольтера. Присутствие гения эпохи Просвещения в обществе спиритизма было забавным. Как белая ворона среди галок. Вольтер в самом деле был вырезан из светлого мрамора.

Вышел хозяин. Погорельский витиевато и восторженно представил его. Иртемьев сдержанно поклонился. Мгновенный портрет говорил, что господину этому около пятидесяти. Не слишком приятный, не слишком разговорчивый, не слишком вежливый. Судя по резким чертам лица, характер тяжелый, вспыльчивый. Не считается ни с чьим мнением, своевольный, привык главенствовать. Женат вторым браком. О чем говорит след от кольца. С детьми в ссоре.

– Приятно познакомиться, господин Ванзаров. – Он говорил тихим напряженным голосом. – Присядьте, зачем стоять...

Ванзаров оказался в твердом и не слишком удобном кресле. Погорельский сел, но тут же вскочил:

– Иона, представь себе: Родион Георгиевич бывал на сеансах Крукса!

– Похвально. Когда имели честь?

Начинать с этого совсем не хотелось. Но отступить было поздно.

– Полтора года назад, – ответил он.

– Вот как... Интересно... Чем занимаетесь?

– Родион Георгиевич глубоко ознакомился с теоретической базой спиритизма. Желает материально поддержать научные исследования в этом направлении! – не мог успокоиться доктор.

– Похвальное желание, – сказал Иртемьев. Он смотрел тяжелым, немигающим взглядом. – Так в чем ваш интерес?

– Наслышан о ваших способностях медиума. Был бы счастлив наблюдать за ними лично, – ответил Ванзаров.

– Это нетрудно. Приходите сегодня, у нас сеанс... Но я не о том спросил. В чем ваш интерес?

Не только для удовольствия Ванзаров занимался вольной борьбой. Иногда – чтобы размять мышцы, иногда – чтобы спасти чью-то жизнь. Сейчас пришло знакомое чувство, как перед началом состязания: борцы приняли стойку, изготовились, но еще не сцепились, примериваются, выискивая у соперника слабые точки. Вот-вот сойдутся в захвате. Поединок будет серьезный. Настоящий бой.

– Больше всего меня интересует гипнотизм, – ответил он, удерживая взгляд Иртемьева. – И в теоретическом, и практическом плане...

– Какая жалость! – вскрикнул Погорельский. – Что ж вы сразу не сказали! Я бы вам помог!

Иртемьев бровью не повел. Вцепился в соперника и не отпускал.

– Мессель Викентьевич прав: в нашем кружке, кроме него, гипнотизмом никто не интересуется, – ответил он и наконец опустил глаза. За кем остался борцовский ковер, было не ясно обоим борцам. – Так что, наверное, вам не по адресу... Поищите кого-нибудь другого... Шарлатанов много развелось... Много говорят, но мало что могут...

– О, ты прав, Иона! – воскликнул Погорельский. – Наверное, вспомнил об этом новом Калиосто? Посмешище, просто позор...

– И о нем тоже, – не слишком ласково ответил Иртемьев. – Так что, оставить вам место за столом, господин Ванзаров? Или передумали?

Прозвучало как новый вызов, а точнее: «Уже испугались?» Вот как прозвучало.

– Буду рад, если приглашение в силе, – ответил Ванзаров.

– Ну, как знаете... У нас на сеансах всякое случается... Готовы?

– Я всегда готов, – ответил Ванзаров.

Кажется, доктор не понимал всей глубины того, что происходило между этими милыми с виду людьми. Он растерянно помотал головой.

– Иона, да что с тобой... Что у нас на сеансах происходит? Зачем ты пугаешь Родиона Георгиевича...

– Не пугаю, предупредил. На всякий случай. – Иртемьев откинулся в кресле, показывая, что бой окончен.

Но только не для Ванзарова.

– А чем занимаетесь вы, Иона Денисович? – спросил он.

– Вам какой интерес?

– Иона! Что за тон! Не узнаю тебя! – возмутился Погорельский. – Простите его, Родион Георгиевич, это он к сеансу готовится... Сосредоточивает силы...

Ванзаров был сама любезность.

– И все-таки: каков круг ваших научных интересов? «Ребус» читаю регулярно, но статей за вашей подписью не встречал...

Не желая еще раз мериться силами, Иртемьев расслабленно закинул ногу на ногу.

– Продолжаю дело моего великого учителя, доктора Ипполита Барадюка. Бывали у него?

– Нет, не бывал, – ответил Ванзаров. – Фотографируете проявление силы жизни?

– В каком-то смысле... Готовлю некое изобретение, но говорить о нем пока рано...

– О, Иона, темнишь! – Погорельский шутливо погрозил ему. – Не забудь показать мне его в действии первым...

– Не забуду, Мессель Викентьевич, не сомневайся.

– Что за изобретение? – спросил Ванзаров. – Если не секрет, конечно...

– Секрет, – ответил Иртемьев так, чтобы не возникало сомнений: он не шутит.

– Не переживайте, Родион Георгиевич, Иона Денисович и от нас скрывает, – доложил доктор. – Тайна на тайне!

Хозяин всем видом показывал, что гость малость задержался. Пора бы ему честь знать. Ванзаров встал, чтобы проститься. До вечера. Но тут из прихожей раздался звонок. Иртемьев ушел открыть. Ни жены, ни горничной в доме не было. Он вернулся с пожилым господином, который косолапил, как моряк. Погорельский тут же представил дорогого Виктора Ивановича Прибыткова, но редактор не был расположен к дружелюбию. И явно желал, чтобы посторонний удалился. Что Ванзаров и сделал.

Выйдя на Екатерининский канал, он взглянул наверх. На далеком скате крыши высокого дома виднелись светлые комочки голубей. Заходящее солнце загло светом их перья. Что-то блеснуло.

Ванзаров зажмурился. Звездочка вспышки погасла в окне дома на другой стороне канала. Как солнечный луч отразился от зеркала. Или от полированного стекла.

Куда больше Ванзарова занимало, что за предмет прятал Иртемьев под глухим черным платком. По виду – небольшой колокол или стеклянный колпак, каким накрывают каминные часы. Но что именно?

Логика помалкивала.

Классической науке был брошен вызов. Вызов был принят. Аполлон Григорьевич шел на дуэль как в последний бой. Он должен был защищать не только систему собственных академических знаний, которая отрицала спиритизм, доркографию, электрофотографию, ведьм, духов и случайный выигрыш в «двадцать одно». Он готов был биться за сами устои науки, которые хотели разрушить, не предложив ничего взамен. Да, наука многого еще не знает, еще многое предстоит открыть. Но это не значит, что кому-то позволено фотографировать мысли. Лебедев пожалел, что нравы смягчились и колдунов теперь не принято жарить на костре, а принято печатать в журналах. Ну ничего, бой только начат.

В общем, берясь за фотографии своих мыслей, Лебедев ощущал незримую поддержку Ньютона, Декарта и Менделеева. С последним был знаком лично и помнил, как двадцать три года назад комиссия Физического общества при Петербургском университете во главе с Дмитрием Ивановичем наголову разгромила спиритизм. И вот змей снова поднял голову. Ну ничего, он им покажет...

Между тем Лебедев исключительно честно, без жульничества произвел вираж и фиксаж пластинок, после чего появилось негативное изображение. Оставалось только напечатать фотографию. Чтобы все вопросы отпали. Что он и сделал. Выйдя из темного закутка, где он оборудовал фотолабораторию, чтобы всякий раз не просить об услуге фотографа полицейского резерва, Лебедев встряхнул мокрые снимки. На том, что был получен устаревшим методом доркографии, виднелось несколько крохотных черных точек. Слишком жалких и ничтожных для мыслей великого криминалиста. Оскорбление, а не мысли, честное слово. На самом деле – мельчайшие дефекты фотографического слоя. И ничего другого.

А вот на снимке по методу Погорельского хоть было на что посмотреть. Электрический разряд оставил на пластинке красивый след, похожий на корень растения, фантастическую многоножку или молнию. Только к мыслям Лебедева это не имело никакого отношения. На этом идею, в которую так верил ненормальный доктор, можно было считать развенчанной: это полная ерунда. Дуэль выиграна, лженаука убита наповал.

Аполлон Григорьевич скомкал снимки и отправил под лабораторный стол. Где им самое место. Он уже придумал, как потешится над Погорельским. Но тут ему пришла блестящая мысль. Пришла и не боялась быть сфотографированной. Лебедев подумал, что имеет полное право немного отыгаться на Зволянском. За то, что втянул его в эту аферу. Отыгаться так, что комар носу не подточит. Великий криминалист потирал руки в предвкушении. И даже позволил себе выкурить сигариллю.

Запах будущей победы был ужасен и сладок одновременно.

Сыскная полиция располагалась в большом полицейском доме на углу Офицерской улицы и Львиного переулка. На первом этаже размещался 3-й полицейский участок Казанской части.

Когда Ванзаров зашел в приемное отделение, то повстречал там частого гостя – пристава Вильчевского. Попав в полицию из армейской пехоты, он навел на участке армейские порядки, городовые несли службу как швейцарские часы. Что же до умственных способностей, которые пристав обязан проявлять сам, без помощи сыска, то Ванзаров оценивал их ничуть не хуже, чем у многих приставов столицы. Лебедев, конечно, стал бы спорить, но Вильчевский в самом деле был честным служакой, который делает, что может и умеет. Другие и того меньше.

– А, Родион, ты-то мне и нужен, – сказал пристав, пользуясь не только расположением Ванзарова, но и существенной разницей лет. Наверняка другие чиновники сыска нашли предлог от него отделаться. Это они умеют.

– Что-то срочное, Петр Людвигович? Простите, я спешу...

Что было правдой. Ванзаров вернулся от дома Иртемьева только с одной целью: выяснить, где остановился месть Калиосто. Артисты, гастролирующие в столице, обычно выбирали одну из четырех-пяти гостиниц в центре. Подчеркивая собственный статус. Хотя и переплачивали за номер.

– Дело такое, долго не задержу...

Ванзаров листал городской справочник, ища графу «Гостиницы».

– Я вас слушаю...

– Понимаешь, странность такая: горничные куда-то делись...

– Куда делись? – машинально переспросил Ванзаров, выписывая на обрывок листа телефонные номера гостиницы.

– Так кто же их знает... Ушли, и нету их...

– Давно?

– Одна третьего дня, другая вчера...

Время поджимало, Ванзарову хотелось как можно скорее повидать Калиосто. Пусть и современного.

– Хозяева обидели, они собрали узелок и отправились служить к другим... Что-то прихватили?

– Вроде не было жалоб. Да и вещи их на месте...

– Тогда любовь, что же еще, – сказал Ванзаров, отправляясь к ящику телефонного аппарата, висевшему на стене. – Петр Людвигович, рад бы помочь, да совсем времени нет... Найдутся ваши барышни... Отгуляют и придут...

Пристав тяжело вздохнул.

– Не похоже, чтоб загуляли... Ума не приложу, куда делись... Ну, извини, Родион, вижу, тебе не до меня...

Ванзаров благодарно кивнул и назвал телефонистке номер гостиницы «Россия», что выходила на Мойку. Его соединили с портье.

16

Церемонии Виктор Иванович любил больше моря. Они вносили в суетность жизни порядок и правильность, как на палубе. Друзья, редакция и контора «Ребуса» знали, что Прибытков самое простое дело может превратить в сложную церемонию. Правила, которые он придумывал сам, но соблюдать их требовал от других.

Даже сейчас, находясь в сильном волнении и в чужом доме, он потребовал, чтобы кресла были сдвинуты по диагоналям к простенку, у которого он занял главенствующее место. Иртемьеву было указано сесть справа, а Погорельскому слева. Ради исполнения прихоти господы покорно поменялись местами.

Но и этого было мало. Прибытков выдержал паузу, чтобы стрелки часов встали в начало часа, не раньше, не позже. И только тогда он приподнял руку, как у статуи какого-то римского императора. В целом было величественно и торжественно. Если не считать, что совершенно не нужно. Погорельский с Иртемьевым привыкли играть в послушных зрителей.

– Друзья мои и соратники! – торжественно начал Прибытков. – Вы все знаете, какие великие дела нам предстоят. Да, я не оговорился – они великие!

Иртемьев грубо откашлялся и затих.

– Одно из них – совсем скоро, другое потребует много трудов наших, – продолжил Прибытков, все более вдохновляясь. – Вам известно, что знаменитая Евзапия Паладино дала согласие провести сеанс в редакции нашего журнала. Вы знаете, как трудно уговорить европейскую знаменитость даже приехать в Петербург. Ее календарь расписан на много месяцев вперед. В первый визит ее весной этого года подумать было нельзя заполучить Евзапию к нам. Тем более что она давала сеанс сами знаете где... И только счастливое стечение обстоятельств, новое приглашение Евзапии на частный сеанс от одного влиятельного лица, о котором мы не смеем говорить вслух, открыло перед нами двери удачи... Евзапия Паладино прибудет в «Ребус». Это веха в истории нашего журнала, можно считать – европейское признание наших скромных трудов...

– Виктор Иванович, для чего все это повторять? – спросил Иртемьев раздраженно.

Его приструнили добрым и мягким взглядом.

– Но другое событие, куда более значительное, к которому мы шли все эти годы, вот-вот осуществится, – продолжил всеми уважаемый редактор. – Событие гигантского масштаба. Да, мы имеем веские надежды, что в обозримом будущем сможем провести Первый конгресс спиритуалистов в России...

– Феноменально! – вскрикнул Погорельский. Он не мог так долго сидеть на одном месте, животный магнетизм накопился и требовал выхода. К тому же доктор был слишком увлекающейся личностью. – Это будет грандиозно! Мы впишем конгресс золотыми буквами в историю спиритизма...

– Мессель Викентьевич, помолчи, – оборвал его Иртемьев. – Мне еще надо отдохнуть перед сеансом... Так для чего мы это все выслушали, Виктор Иванович?

Прибытков спрятал обиду и собрал в кулак душевные силы.

– Ради этого, ради столь важных событий мы готовы пойти на любые жертвы, – продолжил он. – Все, что угодно, чтобы они состоялись. Не так ли, друзья мои!

Иртемьев не разделял приподнятого настроения, которое овладело Погорельским, и не позволил тому рта открыть.

– Позвольте, Виктор Иванович, о каких жертвах вы говорите?

Редактор вздохнул столь глубоко, будто готовился принести тяжелую весть.

– Ради наших высоких целей мы должны принести крохотную жертву: отменить сегодняшний сеанс. И лишь до того момента, когда будем принимать в редакции Евзапию Паладино...

Даже Погорельский, готовый поддержать все что угодно ради прогресса науки, пребывал в глубоком непонимании. Иртемьев же не скрывал недовольства.

– Что за глупости? – проговорил он. – Я готовлюсь, все знают, что будет... У нас наблюдаются интересные явления. И все отменить? Ради чего?

– Да-да, странно, – пробормотал Погорельский.

Обиженный тем, что речь его была принята недостаточно серьезно, Прибытков скрестил руки на груди.

– Друзья мои, есть обстоятельства, которые этому препятствуют.

– Да какие еще обстоятельства? О чем вы? – Иртемьев оставил кресло и отошел к окну, опершись о подоконник. – Давайте напрямик, без намеков.

Именно этого редактору не хотелось. Он надеялся, что сможет убедить, не оглашая факты.

– Желаете напрямик, Иона Денисович? Очень хорошо, – сказал он мягко, но уже с командирской ноткой в голосе. – Так вот, у меня есть сведения, что сегодня на сеансе может случиться... нечто очень плохое. Настолько плохое, что бросит тень на журнал, а более того – перечеркнет визит Паладино, а конгресс отодвинет в неизвестность. Вам достаточно?

– Нет, – ответил Иртемьев. – Что за сведения? Что значит «плохое»?

– Нечто такое, что раз уже случилось...

Намек был прямой, но настолько неожиданный, что Иртемьев не сразу понял, о чем идет речь. Доктор оказался догадливей. И присмирел.

– Так вы... Вот о чем... – наконец догадался Иртемьев. – Но послушайте, что за глупость! Как можно сравнивать... Серафима была больна... Насколько знаю, у нас все здоровы. Не так ли, Мессель Викентьевич?

Погорельский отделался невнятным бормотанием.

– Сведения верные, – сказал Прибытков.

Иртемьев не думал уступать или соглашаться.

– То есть вы хотите сказать, что сегодня на сеансе кто-то умрет? Тогда скажите кто. Не надо его звать, вот и все. Зачем сеанс отменять?

– Иона Денисович, я не знаю, с кем случится несчастье. Но это случится...

– Да откуда вы взяли? – вскричал Иртемьев. – Ясновидением вы раньше не отличались!

– Прошу мне верить... Больше ничего объяснить не могу...

– Возможно... – начал Погорельский и запнулся. К нему обратились взгляды. – Возможно, не следует приглашать новенького, этого Ванзарова... На всякий случай...

– Да, отличная идея! – только пуще разошелся Иртемьев. – Этот человек не тот, за кого себя выдает! Где только ты их находишь? То мальчишка малахольный, то новый лгун...

– Почему лгун? – расстроено спросил Погорельский, вспомнив об автографе, который дал так опрометчиво, мало ли что.

– Потому, что полтора года назад у Крукса на сеансах был я! И его там не видел... Он врет...

– Ну, знаешь, Иона... Обвинять во лжи... Может, он просто что-то напутал и был у Крукса раньше... или позже...

От такой наивности Иртемьев рассерженно отмахнулся.

– Не болтай глупости, Мессель Викентьевич...

В перепалке позабыли о редакторе. Но он помнил, ради чего оказался здесь.

– Друзья мои, – примирительно начал Прибытков. – Прошу проявить сдержанность и рассудительность.

Сеанс надо отменить...

Чем окончательно разозлил Иртемьева.

– Нет, не надо! Если не желаете или боитесь, можете не участвовать. А мы будем проводить... Погорельский, ты трусишь или нет?

– Я... да... Наверное... – пробормотал тот.

– Вот! – Иртемьев погрозил рукой. – Доктор с нами. Случись что, окажет помощь... Да ничего и не будет...

– Иона Денисович, я вас прошу, не надо, – тихо проговорил Прибытков. – Откажитесь... Прошу вас...

Разъяренным тигром Иртемьев прошелся по гостиной.

– Отказаться? Хорошо, Виктор Иванович... Я откажусь. Но при одном условии: вы признаетесь, что вас так напугало...

Деваться было некуда. Редактора приперли к стенке. Хоть он и так стоял у нее. Наконец Прибытков решился.

– Среди нас... появилось зло... Чрезвычайно сильное... и опасное...

Иртемьеву показалось, что он ослышался.

– Зло? Вы говорите, зло? – переспросил он. – Кто-то из наших занялся черной магией? Вы серьезно? Не шутите? И это говорит редактор «Ребуса»?

Теперь Виктор Иванович и сам слышал, как глупо прозвучало его признание. А когда девица Люция шептала ему на ухо, так не казалось. Околдовала, что ли... Прибытков пожалел о том, что было сказано. Но сказанного не воротишь. И время назад не отмотаешь. Во всяком случае, пока...

– Есть основания полагать, – не слишком уверенно сказал он.

Почуввав слабинку, Иртемьев вцепился мертвой хваткой.

– Кто, назовите, кто стал прислужником зла? Мы изгоним его... Даже если это моя жена... Даю вам слово! Кто это?

Прибытков видел, что Иона Денисович вошел в такой раж, что того гляди выгонит несчастную Афины... Ах, зря затеял, зря доверился девчонке...

– Я не знаю, – чуть слышно проговорил редактор.

Иртемьев мог торжествовать. Но пощадил несчастного.

– Вот для этого и проведем сеанс, – заявил он. – Спросим: кто таков... Верно, Мессель Викентьевич?

Доктор понял, что Прибытков повержен, сеанс состоится, а остальное не так уж и важно. Как-нибудь обойдется. Он вспомнил, что опаздывает на встречу, простился до вечера и поспешно выскочил из квартиры.

17

Небольшая, но уютная гостиница первого разряда «Виктория» занимала угловой дом между Казанской улицей и Демидовым переулком. Господин Калиосто «со спутницей», как специфически намекнул портье, снимали один из лучших номеров на втором этаже.

Дверь приоткрылась. Ванзаров сначала увидел щель, а потом прическу на высоте, где у барышень находится талия. Рост мадемуазель Люции немного смущал. Впрочем, неизвестно, кто больше смутился. Она пряталась за створкой, будто опасалась, что незванный гость ворвется.

– Что вам угодно? – прозвучало не столько тихо, сколько испуганно.

Ванзаров не стал поминать сыскную полицию, а выразил желание обсудить с господином Калиосто выступление в частном доме. Поколебавшись, Люция впустила его.

Крикливая пышность обстановки номера была освоена множеством постояльцев. Среди цветочных бутончиков, усеявших обивку мебели, обоев и гардин господин с орлиным носом и рыжими кудрями выглядел как орел в огороде. Горделивую позу слегка портили заплаканные глаза. Мгновенный портрет указал: натура нервная, истеричная, нетвердая. Новый Калиосто отличался от своего великого предшественника не в лучшую сторону. Как провинциальный трагик отличается

от звезды императорского театра. Даже в его позе с неудобно скрещенными руками было что-то искусственное. Словно не по мерке натянутая одежда. Прямо сказать – маг средней руки.

Люция отошла в дальний угол гостиной, держась незаметно.

– С кем имею честь? – спросил Калиосто. Голос простуженный, а не магический, как требовало имя.

– Я чиновник сыскной полиции, – как можно мягче сказал Ванзаров.

Но и этого хватило. Калиосто сжал крючковатыми пальцами виски и рухнул в кресло. Будто подстрелили.

– Какая подлость... Уже в полицию пожаловались, – трагическим тоном сказал он потертому ковру под ногами. – Теперь нас выставят из столицы... Все пропало... Мы погибли, Люция...

Мадемуазель не подала голоса. Ванзаров понимал, что ей давно уже не десять лет, но поверить было трудно.

– Господин Калиосто, прошу успокоиться, – сказал он. – Ваши выступления никто не отменяет. Афиши чудесны, отзывы слышал восторженные...

Еще не веря, что трагическая развязка, к которой он так готовился, откладывается, Калиосто поднял глаза.

– Это правда?

– У меня мало времени, давайте потратим его с толком...

Сообразив, что гость так и стоит посреди гостиной, Калиосто торопливо предложил ему сесть.

– Что же привело вас? – спросил он, вытирая слезящиеся глаза. От простуды в петербургском климате никакая магия не спасет.

– Расскажите, что случилось на выступлении в «Ребусе», – сказал Ванзаров, балансируя на краешке кресла, чтобы не съехать в промятину.

Калиосто щупал лоб, костяшки пальцев пробивались из-под желтоватой кожи.

– Мне тяжело об этом вспоминать...

– Вынужден настаивать.

– Это было ужасно... Катастрофа... Полный провал... Трагедия, которая должна была свершиться... И она разразилась.

Сведений было много, и все бесполезные. Как принято у магов.

– Мне нужны факты, а не ваши переживания. – Ванзаров был строг, как полагается полицейскому.

– Какие тут факты, – без всякого пафоса сказал Калиосто и откинулся на спинку дивана. – Вспоминать не хочется... Попросту ничего не мог... Стена... Пустота... Как будто превратился в безмозглый пень... Вот и весь рассказ...

– Опишите, в чем ваш талант. Но прошу быть откровенным.

Маг и чародей печально вздохнул.

– Угадываю мысли...

– Каким образом?

– В вашем вопросе я слышу хорошо знакомое недоверие...

Что было правдой. Логика Сократа отвергала фокус, когда один человек мог заглянуть в голову другого, как в зеркало. Ну разве только при помощи X-лучей Рентгена.

– Привык оценивать факты.

Калиосто глянул куда-то за спину Ванзарова, где находилась Люция. И получил согласие. Выходит, маленькая мадемуазель управляла большим магом. Хотя чему удивляться: любая женщина проделывает такой фокус над своим мужем. И никто не удивляется.

– Я могу видеть те мысли, какие заставляю подумать подопытного...

Признание было интересным, но не полным.

– Гипнотизируете человека и заставляете его соглашаться с тем, что произносите вслух, – внес Ванзаров финальный штрих. Это, конечно, не жульничество и не фокус, талант нужно иметь, но все-таки далеко от настоящего мыслевидения, или телевидения[13 - Tele (греч.) – вдаль, далеко.], или как оно правильно называется.

Калиосто смущенно улыбнулся:

– «Гипнотизер» на афише не соберет столько публики... Надеюсь на вашу тактичность.

На это можно было надеяться, Ванзаров не отличался болтливостью.

– В «Ребусе» ваш талант дал осечку, – напомнил он.

– Не мог совершенно ничего... Как стена... Хотя перед выступлением ощущал огромный подъем... Всю силу вложил в пассы... И ничего...

Маг говорил как простой смертный на допросе в сыске. То есть искренне.

– Кого первым выбрали из зала?

– Всегда начинаю с... барышень... С ними легче, как тренировка... Там было три дамы, выбрал одну...

– Ее зовут мадам Иртемьева или мадам Волант?

– Нет... Не помню... Она вышла без обычных кривляний... Пока ставил ее перед собой, начал гипнотизировать без пассов, как всегда... И тут чувствую: ничего не выходит...

– Не поддавалась гипнозу?

– Именно так... Я не мог понять отчего... Все, как обычно... Но мне что-то мешало... Боролось со мной и держало крепко...

– Что именно?

– Зло...

Ванзаров обернулся на голос.

– О каком зле вы говорите, мадемуазель Люция?

Девушка потупилась, как от застенчивости.

– Вы человек рационального склада, господин Ванзаров, я вижу. Вам трудно принять правду такой, какая она есть...

– Готов к любой правде, – сказал Ванзаров.

– Там было зло, – ответила Люция, прямо глядя на него. – Оно было чрезвычайно сильно. Злая сила... Она помешала Герману...

– В ком-то конкретно или злом весь кружок «Ребуса» пропитан?

– Как часто люди не верят, когда их предупреждают... А потом горько сожалеют... Скоро случится нечто совсем плохое.

В таких вопросах сыскная полиция любила точность.

– Когда и с кем?

Люция помолчала:

– Я не знаю... Не вижу... Зло сильно...

Даже в таком омуте мистики Ванзаров нашел спасительную соломинку.

– Зло в той девушке, что вышла к Герману первой?

– Нет, не в ней... Она тут ни при чем... Зло больше, – ответила Люция. – Оно поглотило «Ребус» и всех, кто причастен к нему...

Ванзарову требовалась минута тишины, чтобы собрать разорванные звенья логики.

– Сколько зрителей вызвали еще? – спросил он.

Калиосто не хотелось заново переживать позор.

– Еще остальных женщин... От полного отчаяния и еще одного мужчину...

– Модно одетого юношу?

– Нет, взрослого господина... Смотрел на меня с откровенной издевкой...

Ванзаров встал.

– Господин Калиосто, желаете взять реванш?

Ничего подобного маг не ожидал.

– Как это возможно? – спросил он.

– Для сыска нет ничего невозможного, – ответил Ванзаров. – Готовьте вашу силу...

– Вот эта получена доркографией. – Лебедев сунул только высохший и закрутившийся лист фотобумаги. – А эта по вашему методу.

Погорельский стал разглядывать фотографии с интересом настоящего ученого. И посмотреть было на что. На одной обнаженная девица пышных форм беззастенчиво поставила ножку на стул, изогнувшись так, чтобы красовалась грудь. На другой все та же мадам, так и не найдя времени одеться, приподнялась на цыпочки, красиво отведя руку, с которой свешивалось покрывало. Как будто вздумала купаться, но забыла нырнуть. Одним словом, чудовищная порнография.

– Ну как?

Месть Аполлона Григорьевича была сладка.

В его безграничных архивах завалились карточки определенного содержания. Не надо думать, что великий криминалист был любитель подобного «искусства». Ему и живых актрисок хватало. Как-то раз при обыске очередной воровской могилы[14 - Квартира (воровской жаргон).] полицией было изъято, да так и осталось. И вот как пригодилось. Лебедеву оставалось только намочить и подсушить снимки для правдоподобия. Карточки были мятые и рваные, но какое это имело значение.

Между тем доктор не мог оторваться.

– Феноменально! – заявил он в глубоком волнении. – Вы – великий сенситив, господин Лебедев!

Любая похвала приятна. Аполлон Григорьевич только не понял, в чем он еще оказался великим.

– У вас редчайшая способность чувствовать энергетические токи! Чрезвычайная сила! Феноменально! С первого раза – и полное изображение мыслей! Возможно, вы сильнейший медиум!

Открыть доктору глаза было жестоко. Как обидеть невинного ребенка. А детей Лебедев любил, хотя своих не имел. Насколько он знал. Потому что слишком любил актрисок...

– Можно, я оставлю их у себя? Первое доказательство успешности моего метода!

Наивность Погорельского была столь искренней, что Лебедеву стало стыдно. Чего доброго, поместит в книжку или на следующую выставку. Что скажет воровской мир! Позору не оберешься... Аполлон Григорьевич мягко вынул снимки из пальцев, которые никак не желали расставаться с ними.

– Мессель Викентьевич, давайте считать первый блин комом, – сказал он.

– Но как же... – окончательно сник Погорельский. – Такой несомненный успех.

– У вас будут другие... Обещаю. И для этого предоставляю вам возможность испытывать ваш метод сколько угодно...

От горя к надежде доктор переходил мгновенно.

– Неужели это возможно? На ком же испытывать?

– На живых людях, – ответил Лебедев. – Хотите, можем прогуляться по мертвецким полицейских участков.

– Давайте пока на живых... Когда же начнем?

Не умея ничего откладывать в долгий ящик, Лебедев предложил начать прямо завтра. Вот здесь, в Департаменте полиции, и начать. Погорельский был на седьмом небе от счастья. Или куда там взлетают при помощи животного магнетизма.

На стене висели обязательные для присутственного места портреты царствующей четы. Под ними размещались фотографии с министром юстиции и парадные снимки судебных следователей Окружного суда в полном составе. Также имелись памятные фотографии при получении наград. Под ними располагалось массивное кресло с прямой спинкой в раме резного дерева. Далее находился обширный письменный стол с электрической лампой и бронзовым подсвечником на пять свечей. Все было на месте, включая хозяина кабинета. Не хватало главного.

– Что вы ищете? – спросил Бурцов.

Ванзаров действительно искал и не находил. Судебный следователь стоял перед ним без малейшей царапины. В него не влетело ни одной пули. Значит, должны быть свежие отметины. Их не было.

– Где следы от выстрелов?

Бурцов указал на потолок.

Побелка требовала ремонта. После того как в ней проделали пяток свежих дыр, не следовало откладывать. Шестую отметину Ванзаров нашел там, где и подумать было нельзя: на противоположной стене. Юноша был не просто плохим стрелком. Слепой по сравнению с ним сумел бы выстрелить точнее. А Сверчков праздничный салют устроил. Необычное покушение. Можно сказать, уникальное. Лебедев наверняка ничего подобного не видел. Если только Бурцов окончательно не перепутал. Или тут нечто другое.

Ванзаров стоял на огневой позиции еще недавно образцового юноши.

– Сверчков стрелял отсюда?

– Именно...

Спросить судебного следователя: «Вы ничего не путаете?» – даже Ванзаров не смог. Это как спросить: «Вы идиот, господин Бурцов, или показалось?»

– Стрелял не целясь?

– Рука трясется, на курок давит... Глаза безумные... К счастью, Сверчков раньше оружие в руки не брал... Повезло мне опять... Надеюсь, вы увидели достаточно? – Бурцов явно указывал: не для того отдано поручение, чтобы отнимали его время. – Что-то еще?

Ванзарову не оставили выбора.

– Мне необходимо знать истинные цели, ради которых Сверчков был направлен в кружок спиритов, – сказал он.

К такому тону и подобным вопросам Бурцов не привык. Потому что сам задавал их. Но выражать начальственный гнев было глупо. Имея дело с таким умным чиновником сыска.

– Полагаете, у него была еще цель? – спросил он.

– Непременно, – твердо ответил Ванзаров. Чем похоронил надежду Бурцова на нечто важное.

– На чем держится ваша уверенность?

– Сверчков ведет дневник наблюдений, в котором скупо отмечены сеансы, почти без комментариев о спиритизме, зато напротив участников множество пометок. Почему так странно? Да потому что ему дела нет до спиритических явлений. Он пытается разузнать как можно больше о членах кружка.

– И только?

– Сверчков смутился, когда я спросил про первую жену Иртемьева.

– Откуда вы узнали про нее?

– Из того же дневника...

– Безмозглый идиот! – Бурцов добавил крепкое словцо. – Ничего поручить нельзя...

– Ваш подопечный ничего не записал, – сказал Ванзаров. – Делал все, что умел.

Бурцов подумал, что его нагло провели. Он слышал, что Ванзаров мастер на подобные фокусы.

– Тогда как это понимать? – строго спросил он.

– Сверчков записал жену Иртемьева как «Афина И.».

Как ни пытался, следователь не мог понять, каким образом из такой мелочи можно сделать вывод, разрушивший секрет. Спросить было выше его достоинства. А Ванзаров не счел нужным раскрыть. Каждый остался при своем.

– Допустим. И что?

– У Иртемьева след от обручального кольца, которое он носил много лет, не снимая.

– Вы и до Иртемьева уже добрались? – спросил Бурцов, невольно поражаясь лихости чиновника сыска.

– Необходимо для розыска, – сказал Ванзаров, как о простейшем деле. – Мне продолжать?

Бурцов кивнул.

– Точно не скажу, но, скорее всего, мадам Иртемьева умерла около двух лет назад. Вы отправили Сверчкова негласно выяснить причины ее смерти...

Господин Ванзаров не спрашивал, а утверждал. И ошибся всего лишь на полгода. С одной стороны, Бурцова злило, что тайна раскрыта. Но с другой – именно этого он ожидал. Только такой проныра сможет докопаться до истинных причин. Он предложил Ванзарову садиться, прочие дела теперь подождут, – и подробно описал обстоятельства смерти на спиритическом сеансе.

Ванзаров выслушал с таким лицом, будто уже знал ответ. Как показалось Бурцову.

– Не помню такого дела по Третьему Казанскому участку, – сказал он, чем снял камень с души следователя.

– Была оформлена смерть от естественной причины. Там доктор присутствовал.

– Погорельский?

– Именно... Никакого дела нет.

– Что вас заставило взяться за него?

Вопрос был высказан таким образом, что не оставил лазейки. Бурцову оставалось раскрыть последнюю карту.

– Единственная дочь Иртемьева и Серафимы Павловны, красавица Авдотья, чрезвычайно удачно вышла замуж. Так удачно, что сменила имя на Адель. В кругах, к которым она теперь принадлежала, такое предпочтительно. Ее муж...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

Нижний, XIV чин для чиновников в Табели о рангах Российской империи.

3

Теперь Малая Садовая улица.

4

Чрезвычайно азартные карточные игры.

5

Знаменитый учебник судебной медицины немецкого профессора Гофмана.
Выдержал шесть изданий.

6

На улице Гороховой, 2, в доме градоначальства, располагалась также политическая полиция: Отделение по охранению общественной безопасности и порядка, в просторечии – охранка.

7

«Разговор пьяного с трезвым чертом».

8

Одни из самых дорогих ресторанов Петербурга.

9

Здесь: окончательный аргумент.

10

Знаменитые теоретики и практики современного спиритизма.

11

Уильям Крукс – знаменитый физик и химик, активный сторонник и исследователь спиритизма.

12

Рихард фон Краффт-Эбинг – знаменитый австрийский психиатр и криминалист, один из основателей сексологии.

13

Tele (греч.) – вдаль, далеко.

14

Квартира (воровской жаргон).

Купить: https://tellnovel.com/ru/chizh_anton/mashina-straha

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)